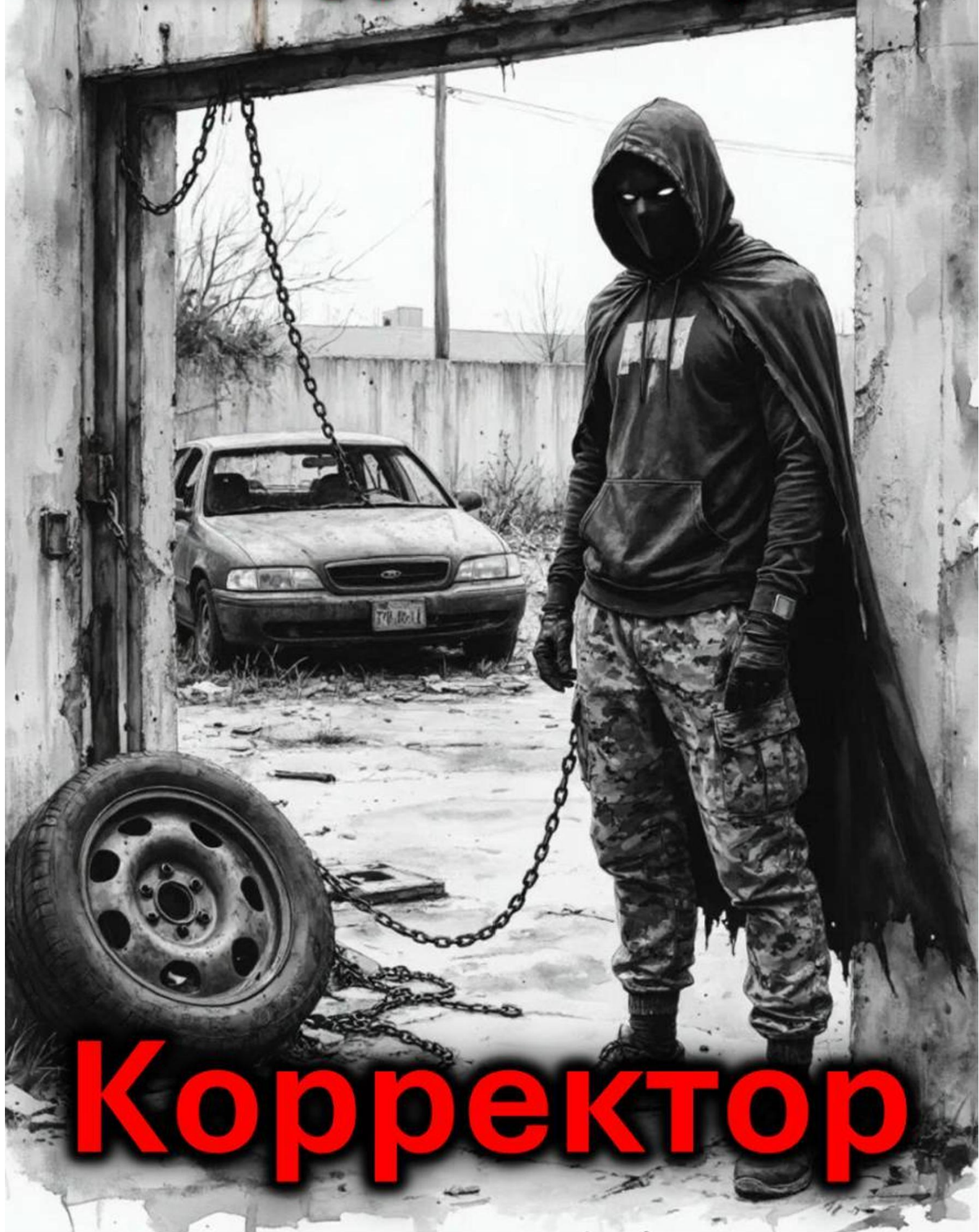

Зинаида Майорова

Корректор

Зинаида Майорова

Корректор

«Автор»

2026

Майорова З.

Корректор / З. Майорова — «Автор», 2026

Корректоры перемещаются в будущее и меняют его так, как если бы исправляли ошибки в тексте. Они найдут потерянное, восстановят справедливость, поддержат в трудную минуту. Их возможности ограничены десятью правилами. Их преступления приближают конец того мира, который мы знаем. Убийство корректора в 2012 году и зомби-апокалипсис в 2084 году могут оказаться звеньями одной цепи.

© Майорова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

2084 год. Стокс	6
2012 год. Встреча в лесу	8
2007 год. Майонез	12
2012 год. Иннокентий	17
2084 год. Дневник	22
2012 год. Улика	24
2084 год. Ниагара	27
2012 год. Торонто	32
2084 год. Союз против «рыжиков»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Зинаида Майорова

Корректор

Факты, рассмотренные сами по себе, несут мало пользы. Они сбивают с толку своим количеством и очевидной несвязанностью. Однако позвольте им соединиться в теорию и прийти к взаимной гармонии, и будет совсем другое дело! Теория есть сущность фактов. Без теории научное знание было бы достойным лишь сумасшедшего дома.

Оливер Хевисайд

2084 год. Стокс

Свалка автомобильного металлолома, как и показано на карте. Бетон около входа усеян ржавыми дисками.

«Щиты на поле боя, – думает Мартин, – не хватает только мёртвых костей».

Костей он вообще нигде не видел за все четыре недели своего путешествия. Предположение, что зомби едят даже скелеты, уже не казалось ему таким диким, как раньше.

На воротах – цепь с замком, но и то и другое тоже ржавое. Мартину даже не приходится доставать отмычку. Дёрнул посильнее за концы цепи, и дужка замка развалилась. Обломки дужки, замок и цепь упали на асфальт, погремели немного и затихли. Хотя какое-то звуковое разнообразие.

Идти нужно направо в самый дальний от входа угол. Так сказано в Путеводителе. Мимо дисков, дальше, к штабелям дверей и крышек, грудам бамперов. Каждый следующий курган выше предыдущего. Мартин петляет в лабиринте, старается хотя бы примерно держать правильное направление и вспоминает, как они с Лилит на такой же свалке купили диск для запасной шины. Десять лет с тех пор прошло, а он помнил.

Тогда ворота были открыты настежь – у входа их встретил беззубый дедушка, спросил, чего нужно, и ушёл искать. Да и не такой уж он был старый, тот дедушка. Мартин привык, что даже у самых дряхлых воспов, которые слова путают и Китай от Канады не отличат, всё равно улыбки белозубые, как у молодой девушки. Поэтому старик со свалки ему запомнился. Выходило, что не все воспы в золоте купаются, и не все могут позволить себе услуги стоматологов. Раньше Мартин считал, что хуже воспов нет людей на свете, но дедушка показался ему совершенно нормальным человеком. Хотя на фоне зомби и самые гламурные воспы теперь кажутся нормальными. К тому же не осталось их совсем – гламурных. Кто не сгинул в первые месяцы, с тех весь лоск слетел.

Воспоминания пошли по накатанной дорожке – как они с Лилит жили в первые годы, как потом, и как последние четыре года живут. С ней везде хорошо было. Будь его воля, он бы с Лилит и на день не расстался. Но последнее время очень давят на них в Сообществе, поэтому Мартин и вызвался выполнить миссию. Хотя сам считал задание глупым и бессмысленным. Просто нет больше мочи выслушивать доброхотов, которые пытаются навязать ему вторую жену. Пока ещё нет у них власти, но через пять лет жизни в Сообществе пара должна или родить ребёнка, или испытать свою фертильность с другими партнёрами. Таков Закон. А если бы узнали, что они с Лилит никогда не предохранялись, то и этого последнего года вместе им бы не оставили.

Что-то загремело в отдалении, и Мартин напрягся. Он заранее изучил весь периметр свалки – ограда целая, без следов проникновения. Внутри не должно быть никакой жизни, ни сознательной, ни бессознательной. Снова загремело, но потише. А потом ещё раз – почти неслышно.

«Створки раскачиваются от ветра и бьют по дискам», – сообразил Мартин.

Он специально оставил ворота распахнутыми. Как ни мала была вероятность встретить здесь, на свалке, опасность, он не хотел затруднять себе путь к отступлению.

После концентрации на возможной угрозе, Мартин по старой привычке снова представил себе Лилит. Как будто она стоит прямо перед ним и смотрит в глаза. Тем самым взглядом. Злые языки в Сообществе перешёптывались, что Лилит его околдовала, поэтому Мартин не слушает голоса разума. Столько женщин готовы от него ребёнка родить, а он живёт с бесплодной ведьмой. Конечно, при Мартине они такого не говорили – опасались его справедливого гнева. Клевета каралась Законом, но всё равно просачивалась во все щели.

Прямо с вершины очередного кургана сорвался диск, прозвенел по склону и упал под ноги Мартину. Тот на автомате обогнул курган, но с другой стороны ничего подозрительного не обнаружилось. Сквозь просветы между металлоломом справа замаячили боковая и задняя стенки ограды – нужный угол совсем близко. Ветер дул всё сильнее, снова послышался приглушённый лязг ворот. Мартин внимательно прислушивался, не раздадутся ли ещё какие-нибудь звуки. Музыкальный слух стал для него одним из главных инструментов выживания. Звон, скрежет и грохот ветра в дебрях свалки складывались в единый звуковой фон, и для Мартина каждое отступление от главной темы звучало, как для дирижёра симфонического оркестра – фальшивая нота четвёртого альтя.

Один раз в прошлой жизни Мартин побывал на концерте в Бостоне. Ему почти ничего не понравилось – раздражали чёрные костюмы оркестрантов, красный бархатный занавес, воспы в зале. Всё вокруг выглядело как кошмарный сон о гламурной жизни. Но когда заиграла музыка, он обо всём забыл. Музыка была настоящая и звучала совсем не так, как в записи. Словно раньше он лишь смотрел на картину – хорошую картину – с океаном и кораблём на волнах, а на концерте он сам стал кораблём, а музыка – океаном. Но всё равно он больше на концерты не ходил – билеты дорогие, и атмосфера неприятная. А вскоре не стало ни концертов, ни оркестров, ни дирижёров.

Он почти дошёл до дальнего угла площадки. Свалка казалась осколком прошлого – ничего здесь не поменялось со времён Прихода, только ржавчины прибавилось. Осталось завернуть за последний курган – самый высокий. Мартин осторожно высунулся из-за груды железа, заглянул в угол и замер от ужаса. Волосы на затылке встали дыбом, он с трудом удержался, чтобы не юркнуть обратно за курган. Его нелегко было испугать, но груз в углу привёл бы в трепет каждого, кто пережил Приход. Каждого, кто знал его причину.

Мартин судорожно вдохнул воздух. Сердце его билось так, как будто он только что пробежал стометровку. Но он не шевелился и не отрывал взгляда от пирамиды из тёмно-рыжих металлических контейнеров. На каждом ящике весёлыми жёлтыми буквами отсвечивало одно слово: СТОКС.

2012 год. Встреча в лесу

Наташа изо всех сил бежала по лесной тропе. Пот стекал по лицу – под деревьями тёплое весеннее утро после дождя превращалось в удушливую баню.

«Лучше бы по полю пробежалась, ничего, что солнце припекает, зато там ветерок», – подумала она недовольно, пробегая мимо очередного фонаря.

В это мгновение запищали наручные часы – отмеренные на бег полчаса уже почти прошли. Наташа обрадовалась, замедлилась и посмотрела далеко вперёд.

Тропа здесь шла по прямой и следующий фонарь был прекрасно виден. Около него стоял мужчина довольно высокого роста, в джинсах и белой футболке с неразборчивой надписью. На таком расстоянии Наташа не могла быть уверена, но ей показалось, что незнакомец смотрит на фонарь с недоумением, как бы спрашивая себя, зачем в лесу освещение. Впрочем, сейчас фонари не горели – их включали после захода солнца, что особенно ценилось в короткие зимние дни, когда тропа превращалась в лыжную трассу.

– Простите, – обратился мужчина к Наташе, когда она перешла на шаг и почти поравнялась с ним, – я так доберусь до ... города?

При этом он на секунду запнулся, как будто пытаясь вспомнить, что находится за лесом – город или посёлок, а потом махнул рукой в ту сторону, откуда прибежала Наташа. Он развернулся к ней, на груди у него теперь отчётливо выделялась надпись «Математик сделает лучше». Смотрел он при этом не в глаза Наташи, а куда-то в направлении её левой руки, как и полагается аутичному интроверту.

«Несомненно сделает, – ехидно заметила про себя Наташа, – запутался в трёх соснах, куда уж лучше».

– Доберётесь, – сказала она вслух, – но лучше идти в другую сторону по тропе, будет короче.

Не успев договорить, она вспомнила, сколько на тропе развилок, а умение незнакомца ориентироваться в лесу не вызывало доверия. Если сам он не знает короткого пути, лучше его проводить.

– Я вам покажу, – добавила она, – я тоже возвращаюсь в город.

Мужчина благодарно улыбнулся ей и наконец-то поднял взгляд на лицо Наташи. От его глубоко посаженных серых глаз разбежались лучики морщинок.

«А он симпатичный», – подумала Наташа и постаралась незаметно принахаться, чтобы определить, не слишком ли сильно от неё разит потом. Результаты обнадеживали: терпкие лесные ароматы набухших после дождя трав и кустов забивали почти все запахи, кроме одного – едва уловимого.

«Пена для бритья?» – удивилась Наташа, и только сейчас осознала, насколько свежий вид незнакомца не соответствует погодным условиям.

Он выглядел так, как будто только что помылся, побрился, надел новую футболку, идеально чистые туфли, и прямо из-под кондиционера перенёсся в жаркий и влажный лес. Конечно, в отличие от Наташи он мог добраться сюда черепашным шагом и совсем не вспотеть, но почему к его ботинкам не прилипло ни единой мокрой травинки? С этой мыслью Наташа перевела взгляд на свои грязные кроссовки.

Словно в ответ на её невысказанный вопрос, мужчина поспешил представиться.

– Меня зовут Роман. Я из Москвы, – сказал он так, как будто это всё объясняло.

Голос у него был низкий, звучный, хорошо поставленный.

«С таким голосом надо лекции читать в поточных аудиториях, – подумала Наташа, – впрочем, может быть, он так и делает.»

– Я Наташа, очень приятно. Местная, – ответила она, махнув рукой в сторону кроссовок, словно призывая их в свидетели своего излишне близкого знакомства с местностью.

Некоторое время они шли молча. Похоже, Роман от природы был замкнутым, а Наташа – обычно общительная и разговорчивая – погрузилась в глубокие размышления. Она перебирала в памяти досье своих коллег, особенно тех из них, кого не знала в лицо. Ни один не был похож на Романа. К тому же она успела разглядеть тонкий горизонтальный шрам над его левой бровью – очень характерная примета, такую обязательно включили бы в краткое описание внешности.

– Вы первый раз в наших краях? – наконец спросила она.

– Не совсем. Но мало что помню. Очень давно. Кажется, здесь неподалёку озеро?

– Да, мы сейчас к нему выйдем.

– Там вроде бы стоит купальня? – Роман окончательно перехватил инициативу.

Теперь вопросы задавал он, и у Наташи возникло ощущение, что ему действительно важно знать, есть ли рядом знакомый водоём, и сохранилась ли на берегу старая деревянная будка, которую моржи зимой использовали для купания в проруби. Хотя, возможно, он просто хотел поддержать разговор. Или пытался уйти от неудобного вопроса, как он оказался посреди леса, не вспотев и не испачкавшись.

– Да, купальня была, – ответила Наташа неторопливо, внимательно наблюдая за реакцией Романа.

Тот ощутимо напрягся и озабоченно посмотрел на свою спутницу.

– А сейчас её больше нет? – он спросил таким тоном, как будто речь шла не о городской раздевалке, а о фамильной усадьбе, в которой Роман провёл детство.

Его голос, до этого спокойный и даже слегка безразличный, теперь звучал необыкновенно выразительно.

– Её заменили на новую купальню, – утешила его Наташа, – пляжную зону недавно перестроили по проекту одного известного дизайнера, но он учёл все наши традиции. Скамейки тоже новые, но стоят на тех же самых местах.

Роман облегчённо вздохнул, и через секунду лицо его озарилось пониманием, как будто в голове сложились детали паззла.

– Конечно, как я мог забыть, я же видел проект на сайте дизайнерской компании. Но даже помыслить не мог, что его так быстро претворят в жизнь.

«Оказывается, он способен говорить длинными предложениями, – позабавилась Наташа, – как по книге шпарит.»

– Мы тоже удивились. Обычно стройки у нас в городе длятся годами, а потом вообще замирают – когда деньги из муниципального бюджета заканчиваются. Но конкретно у этого проекта сыскался частный спонсор. Он знатно помог городу, а с Эф-Зэ-девятисто четыре даже страшно подумать, во что превратилось бы озеро за годы долголетия.

Роман поморщился, словно от зубной боли, и Наташа догадалась, что ему тоже есть что рассказать о причудах Эф-Зэ-девятисто четыре. Она с интересом посмотрела на спутника в ожидании саркастичного анекдота в исконном смысле этого слова. Вдохновлённый её реакцией мужчина уже раскрыл рот, но в этот миг деревья перед ними расступились, и показалось озеро.

– Наташ, Наташ, как здорово, что я тебя встретил! – к ней бежал растрёпанный молодой парень с безумными глазами.

Мокрая майка прилипла к широкой груди, обрисовывая литые мышцы. Если бы его немного причесать и успокоить, то получилась бы готовая фотомодель для обложки женского романа. Но сейчас юноша больше походил на героя постапокалиптического хоррора и мчался так, как будто за ним гнались целые полчища зомби.

– Что случилось, Миш? – забеспокоилась Наташа, хотя и не слишком сильно.

С Мишей постоянно случалось одно и то же – он терял вещи. Точнее сказать, его вещи терялись сами, причём самыми фантастическими способами. В раннем детстве он уронил

лопатку для снега в шахту лифта, хотя зазор между порогом лифта и этажом был значительно уже, чем диаметр ручки лопатки. В начальной школе он потерял мамину золотую брошку – взял в школу показать одноклассникам, прикрепив к рубашке под свитером, но на обратной дороге брошка исчезла. В старших классах от него сбежал паспорт, надёжно спрятанный в кармане рюкзака, но в тот раз Мише повезло. Прежде чем он заявил в милицию, в его школу позвонил водитель междугороднего автобуса, обнаруживший паспорт на сиденье кресла.

Вглядевшись в его взволнованное лицо, Наташа поняла, что в этот раз на удачу Миша уже не надеется.

– Я бабушку ждал. Она в гости приезжает после обеда. Приготовил еду, решил выйти побегать. Скоро соревнование по триатлону, я участвую, – Миша изо всех сил пытался говорить спокойно и размеренно, не срываясь на трагическую скороговорку, но получалось плохо. – Ключ! Пропал! В лесу, скорее всего, не успею найти. Родители в командировке, бабушку нужно встретить на автостанции через полчаса. Как я её проведу в квартиру? Позорище, даже бабушку не могу принять по-человечески.

– Подожди, Миш, не торопись, – остановила его Наташа, – расскажи поподробней, что ты делал до пробежки?

– Как что? Плавал в озере, я же говорю – у меня скоро соревнование.

– Пойдём посмотрим, где ты раздевался. Ключ мог выпасть там.

– Не мог, я специально в купальне раздевался. Там всюду доски, ключ не затеряется. А то один раз он у меня в песок упал на пляже, я его так и не нашёл. Но тогда родители были дома.

– Значит, пойдём в купальню.

– Да нет его там, я уже смотрел. Ему негде завалиться, всюду доски, я же говорю.

Наташа не особо высоко ценила розыскные способности Миши, поэтому настояла, чтобы они ещё раз обследовали купальню. Только сейчас она вспомнила о Романе, но тот, по-видимому, благоразумно ретировался при появлении Наташиного друга – на неподготовленных людей Миша производил смешанное впечатление, особенно когда пребывал в расстроенных чувствах. Однако его бьющие через край эмоции даже в самых провокационных ситуациях никогда не переходили в агрессию. А романтическая прогулка Наташи с незнакомым мужчиной под покровом леса Мишу вряд ли могла спровоцировать – с Наташей у них всегда были чисто дружеские отношения.

Теперь Роман наверняка уже шёл в город. Высотные дома ясно виднелись за деревьями – не заблудится. Наташа мимолётно пожалела, что они не познакомились получше – Роман производил впечатление интересного и умного мужчины, но операция по спасению Мишиного ключа быстро вытеснила у неё из головы воспоминания о неожиданной встрече.

Дизайнерская купальня мало чем отличалась от своей ветхой предшественницы, даже древесину выбрали такую же – бурого, как бы потемневшего от времени оттенка. Но доски были гораздо крепче и щелей между ними не было. Вряд ли ключ ухнул в щель, но проверить стоило. Наташа первой подошла к двери и открыла её настежь, но тут же отодвинулась в сторону и пропустила вперёд Мишу.

– Смотри! – торжественно сказала она, картинным жестом указывая на маленькую скамейку внутри купальни.

Ключ лежал прямо на скамейке, разглядеть его не представляло никакого труда, даже не заходя внутрь.

– Ты волшебница! – радостно заорал Миша и бросился за ключом.

– Я не волшебник, я только учусь, – довольно ответила Наташа, но Миша не опознал цитаты.

Он был всего на несколько лет моложе, но культурные различия между ними значительно превосходили возрастные. Наташа в детстве с удовольствием смотрела культовые советские

фильмы – даже совсем старые чёрно-белые. Миша смотрел только современные блокбастеры со всепокрушающими спецэффектами.

– Всё равно спасибо! – крикнул ей Миша на ходу и побежал встречать бабушку.

2007 год. Майонез

Иван шёл в русский магазин. Коляска ловко лавировала между прохожими, Серёга сонно клевал носом, и в конце пути – до магазина было полчаса быстрым шагом – он вполне мог крепко заснуть.

«Хорошо бы, – думал Иван, – не любит парень ходить за покупками.»

Полуторагодовалый парень обожал быструю езду в коляске по городу или парку под чутким папиным управлением, но терпеть не мог броуновских блужданий по тесным проходам магазинов.

Длинная центральная улица Шёнезака, по-старинному мощённая булыжником, сначала тянулась между такими же старинными и аутентично немецкими малоэтажными домиками, но ближе к окраине стремительно осовременивалась и теряла национальный колорит. Русский магазин, торговавший продуктами восточноевропейской кухни, по внешнему виду ничем не отличался от типичных супермаркетов в самых разных городах мира. Ассортимент товаров тоже был достаточно классический – непременно гречка польского разлива, разнообразные консервы, варенье, сушки, конфеты и, конечно же, обычные буханки бородинского, а не те сверхплотные, но хрупкие кирпичи, которые продавались в немецких магазинах под видом чёрного хлеба.

Однако имелись у русского магазина в Шёнезаке и свои особенности. Иван с улыбкой вспомнил, как гостивший в их доме друг из Алабамы пытался найти в магазине мацу. Но если в русском магазине американского Бирмингема маца входила в стандартный ассортимент и всегда имелась в наличии, то здесь, в Шёнезаке, продавцы даже не знали, что это такое. Друг безмерно удивился – выходило, что он совершенно зря потратил час на дорогу туда и обратно.

Впрочем, лично Ивана маца не особо волновала – Пасху он отмечал по православной традиции, а не по иудейской. Совсем другой продукт занимал его мысли, когда он шёл в магазин. Иван не оставлял надежды найти нормальный майонез. Многочисленные майонезные бренды, украшавшие полки местных супермаркетов, отличались друг от друга только упаковкой. Производились же они все по единому рецепту, который, по тайному убеждению Ивана, являлся не чем иным, как секретным оружием Третьего рейха, запущенным наконец в массовое производство. Майонез был сладким!

Русский магазин в плане майонеза ничем не отличался от немецких. То есть упаковки были другие – с русскими надписями, но производился продукт в Германии по тому же беспощадному рецепту. Иван перепробовал уже все бренды, и в этот раз собирался проверить, не пропустил ли он случайно полку с майонезом российского производства. Последний шанс казался зыбким и призрачным, но попытаться стоило.

Коляска въехала колесом в ямку между булыжниками, Иван на мгновение замешкался, сбавив темп, и его обогнала совсем юная девушка в лёгком летнем платье. Она быстро шла по улице, прижимая рукой увесистую чёрную кожаную сумку, свисавшую с плеча. Сумка казалась гротескной пародией на дамскую сумочку – те же пропорции, но размеры как у солидного мужского портфеля. Вдобавок сумка была забита до отказа – молния не застёгивалась, и Иван успел разглядеть светлый глянцево-блестящий блеск каких-то пакетов.

«Упаковки с майонезом?» – мелькнула у него дикая мысль, и он чуть не рассмеялся.

«Да я помешался на этом несчастном майонезе, всюду он мне чудится», – одёрнул себя Иван и заспешил к магазину.

Девушка его опередила. Она свернула к дверям магазина, повернувшись в профиль, и Иван чуть не окликнул её. Вылитая Наташа! Но девушка была гораздо моложе, это было очевидно с самого начала, когда она только обогнала его. Лет шестнадцать, не больше.

Но как же она походила на Наташу! Глаза того же неповторимого оттенка – Саня как-то назвала этот цвет «орешки с изумрудами» – вроде бы карие, а вроде бы и зелёные. Чёрные длинные ресницы и густые брови, тоже очень тёмные. Волосы светло-каштановые и острижены ровно до той длины, какую предпочитала Наташа. Форма носа, подбородка, а больше всего её решительное выражение лица тоже казались хорошо знакомыми. На мгновение Ивану показалось, что он нашёл одно явное отличие – девушка была выше Наташи, но, переведя взгляд на её босоножки, он понял, что всё дело в высокой платформе и каблуке. Наташа тоже иногда носила такую обувь, чтобы компенсировать свой небольшой рост.

«У Наташи нет сестёр, – лихорадочно думал Иван, – может двоюродная?»

Но откуда такое невероятное сходство у кузин? А главное, Наташа наверняка рассказала бы Сане и Ивану, если бы её родственница собралась приехать в Шёнебек. Передала бы гостинцы, тот же майонез, например.

«Опять я про майонез, – обругал себя Иван, – кто о чём, а вшивый о бане.»

Посмотрев на Серёгу, папа заметил, что мальчик задремал, но момент был всё ещё рискованный – в магазине мерное покачивание коляски прекратится, и полусонный младенец может почувствовать перемену обстановки. Стоит Серёге открыть глаза и обнаружить, что его самым предательским образом завезли в магазин, как он устроит скандал. Иван хотел уже проехать полквартила вперёд, а потом вернуться с прочно уснувшим сыном, но страшная догадка мелькнула у него в голове. Что если девушка, очень похожая на Наташу, тоже ищет нормальный майонез? Скупает все бренды, какие под руку подвернутся, поэтому и сумка такая набитая. Иван представил, как она идёт вдоль стеллажей, окидывая их хищным взглядом, и вдруг выхватывает ту единственную пачку московского «Провансаля», которая совершенно случайно завалялась на нижней полке.

Иван решительно направил коляску к магазину. Внезапно он ощутил, что смертельно устал от особенностей местного быта, как будто этот несчастный майонез стал последней каплей. Жизнь в Шёнезаке угнетала своей неторопливостью и неповоротливостью – они уже несколько месяцев здесь живут, а до сих пор не смогли нормально обустроиться, даже Интернета и телефона нет в квартире. Да и саму квартиру удалось снять только через шесть недель после приезда. Такая сверхсветовая для здешних порядков скорость объяснялась просто: их дом пользовался дурной славой. Желających там поселиться было немного, квартиры стояли пустые. А по-хорошему здесь на любое самое незначительное дело нужно закладывать минимум полгода. Если хочешь быстрее, то все кругом только плечами пожимают, откуда ты такой нетерпеливый взялся.

Они с Саней давно уже обсуждали, не переехать ли в далёкое американское захолустье – их друзья в университете Стокса предлагали подать заявки на открывшиеся там вакансии. Место тихое и беспонтовое, кругом бескрайние кукурузные поля, зато с обустройством проблем не будет. А со временем, кто знает, и в Стоксе может наука расцвести. Они с Саней молодые, талантливые и амбициозные – смогут привлечь финансирование в провинциальный университет. Саня внутренне уже склонялась в пользу Стокса, лишь Иван пока колебался в нерешительности.

В магазине тихо и безлюдно. Девушки с тяжёлой сумкой нигде не видно. Серёга продолжает дремать. Привычным маршрутом Иван прокатил коляску по проходам, закинув в подвесную корзину между колёсами пачку гречки, макарон, пару банок лосося и пакет ванильных сухешек. Показались стеллажи с майонезом. Взгляд Ивана безнадежно скользил по знакомым названиям давно испробованных и забракованных марок.

«Похоже, придётся переезжать в Стокс, – подумал он отстранённо, как будто кто-то другой прямо сейчас принимал за него нелёгкое решение, – там хотя бы майонез съедобный.»

Серёга шевельнулся – почуял, что быстрая езда закончилась. Надо срочно идти на кассу. Ни на что уже не надеясь, просто для очистки совести, Иван обежал глазами нижнюю полку.

Аккуратными рядами на ней стояли пачки майонеза «Оливковый» известной российской торговой марки. Недоверчивый Иван схватил одну из пачек и прочитал адрес производителя на упаковке – сомнений не осталось, перед ним и правда лежало сокровище в виде десяти упаковок настоящего майонеза, а не сладкого немецкого фейка.

В корзине поместилось не всё. Тогда Иван положил несколько пакетов на сиденье коляски рядом с Серёгой. Тот пока ещё дремал, но уже довольно беспокойно. Нужно быстро прорываться через кассу со своими бесценными трофеями.

Около кассы Иван снова увидел ту девушку с чёрной сумкой-переростком. Она покупала майонез. Иван ревниво взглянул на упаковку и с облегчением убедился, что это один из ненавистных ему сладких брендов. Впрочем, у девушки могли быть другие вкусы. Она быстро расплатилась и сунула пачку в сумку, застегнув молнию.

Касса освободилась, но возникло неожиданное препятствие. У кассира никак не получалось считать штрихкод на майонезе. Серёга начал возмущаться – пока ещё тихонько, толком не проснувшись, но надолго его терпения не хватит. Иван уже предвидел, как следующие полчаса кассир затратит на прогулку к стеллажам в поисках артикула товара и неторопливую беседу с управляющим с целью получения дальнейших инструкций, а потом невозмутимо скажет Ивану, что продать ему именно этот майонез нет никакой возможности. Не выберет ли любезный герр другой майонез? И всё это под непрекращающийся ор разъярённого младенца.

Внезапно взгляд кассира упал на бумажку со штрихкодом, приклеившуюся к бортику кассы. Справедливо рассудив, что бумажка отвалилась от непокорной упаковки, кассир провела по ней считывающим устройством, и всё сработало. Правда в чеке, как потом заметил Иван, стояло название совсем другой майонезной марки, но ему было совершенно без разницы, переплатил он или нет.

«Das ist mir ganz egal!» – проговорил он мысленно одно из тех немецких выражений, которое давно и прочно вошло в лексикон окрестных славянских народов.

На лице его сияла шальная улыбка, как будто Иван всё ещё не верил своему счастью. Коляска бодро катилась обратно, а довольный Серёга крепко спал в окружении пачек майонеза.

Иван смотрел по сторонам и радовался жизни. Проехав мимо бронзовой скульптуры кита, вздымавшейся прямо посреди улицы, – жители Шёнезака помнили своё бурное морское прошлое – он подумал, что через пару месяцев Серёга научится на кита забираться, а ещё через пару месяцев можно будет отвести сына на аттракционы здесь же неподалёку. И как же здорово, что всюду можно ходить пешком, не нужно водить машину. Столько хороших детских площадок, детям на улице все улыбаются, и есть недорогой университетский киндергартен – через три месяца подойдёт их очередь. А что такое три месяца? Не успеешь оглянуться, как они пролетят.

Теперь он даже мысли не допускал о том, чтобы переехать в Стокс.

Открыв дверь подъезда, Иван осторожно закатил коляску в дом. Серёга теперь дрых без задних ног, и при должной сноровке коляску с ним можно будет выкатить на лоджию, не потревожив пассажира. В лифте Иван нажал на кнопку с двузначным номером – они с Саней снимали квартиру в многоэтажном доме. В первые годы после постройки здание считалось элитным: стояло оно прямо в центре Шёнезака, а из окон верхних этажей открывался прекрасный вид на реку и верфи. Но однажды бдительные жильцы застучали в лифте дилера, впаривавшего подросткам травку, после чего все приличные семьи из дома съехали. Впрочем, Ивана и Саню козни дилеров пока мало волновали – Серёга один в лифте не ездил.

Дома Иван с порога обрадовал Саню. Он показал на коляску и тихо, чтобы не разбудить всё ещё спящего сына, сказал:

– Посмотри, что мы добыли в русском магазине.

В голосе его звучала законная гордость.

– Неужели настоящий? – так же тихо ахнула восхищённая Саня и стала разбирать припасы.

Когда в коляске остался только Серёга без майонеза, Иван выкатил её на лоджию. Заодно в очередной раз полюбовался широкой рекой и белоснежной океанской яхтой на другом берегу. Из местных верфей две разорились, когда сократились расходы на военные корабли, а две других пока держатся на плаву за счёт заказов от арабских шейхов и российских олигархов. Но всё равно в Шёнезаке очень много безработных. В их доме безработных тоже хватало – здесь им предоставлялись жилищные субсидии от государства.

Прежде чем уйти с лоджии, Иван бросил ещё один взгляд на реку. Хотя жильё в их доме больше не считалось статусным, вид из западных окон по-прежнему открывался прекрасный.

– Знаешь, мне сегодня показалось, что я увидел Наташу Колязину. Прямо около русского магазина, – припомнил Иван, заходя на кухню.

Саня тем временем любовно убирала в пластиковый ящик упаковки с майонезом «Оливковый». Кухня им досталась лишь частично укомплектованная мебелью: тумбы на полу были, а шкафы на стенах отсутствовали. Поскольку Серёга уже активно ползал и исследовал на вкус и прочность всё, до чего мог дотянуться, в нижних ящиках нельзя было хранить ничего, кроме кастрюль и сковородок. Но Иван вышел из положения, прикупив больших пластиковых ящиков и водрузив их на тумбочки.

– Наташа тоже покупала майонез? – улыбнулась Саня.

– Да, именно это она и делала, – улыбнулся в ответ Иван.

– Но это не могла быть Наташа, – возразила жена, – она же сейчас в Торонто. Помнишь, я тебе фото от неё показывала утром на работе?

– А, ну да, тот небесной красоты пейзаж с красными и жёлтыми деревьями. Но я и так сразу понял, что это не Наташа. Это была какая-то совсем молоденькая девчушка. У неё ещё дамская сумочка очень забавная – почти как чемодан, только с длинными ручками, чтобы на плече нести.

– Не из глянцевого чёрного? – заинтересовалась Саня. – С длинной молнией наверху, но без кармашков и клапана?

Иван замер и внимательно посмотрел на жену, пытаясь увидеть искорки смеха в её глазах. Она часто подшучивала над ним, но сейчас на лице её отражалось лишь самое обычное любопытство, не предвещавшее никакой интриги.

– Ты меня разыгрываешь? – спросил он наконец, не поверив своим глазам. – Ты знаешь ту девушку! Это Наташина родственница?

– Неужели угадала? – в голосе Сани прозвучало неподдельное удивление. – Я просто описала старую Наташину сумку. Видела у неё дома, она в ней документы хранит. Чем-то она ей дорога, как память. И вроде бы она её привезла как раз из Германии.

– Но эта сумка выглядела как новая. Как будто только что из магазина.

Иван ясно помнил набитую под завязку сумку, на ней не было ни единой потёртости или царапины. Затем он припомнил ещё кое-что:

– Странная вещь... Когда та девушка заходила в магазин, сумка не застёгивалась. Казалось, сейчас лопнет по швам. Зато потом, после кассы, сумка выглядела полупустой. Хотя должна была бы раздуться ещё сильнее.

– Может это волшебная сумка? Как у Мэри Поппинс или Гермियोны? – предположила Саня.

История с девушкой, похожей на Наташу, и загадочной сумкой увлекла её не на шутку. По озадаченному виду мужа Саня поняла, что он тщетно пытается найти правдоподобное объяснение своих наблюдений.

– Может, она что-то выбросила из сумки, когда зашла в магазин? – высказал он более реалистичное предположение. – Какой-нибудь особый мусор, батарейки, например? Или бутылки?

Сортировка мусора – неотъемлемая черта немецкого образа жизни. Во многих магазинах стояли ящики для вторсырья разных типов: стеклянной тары, пластиковых бутылок, алюминиевых банок.

«Только когда она успела всё это сделать, – мысленно спросил себя Иван, – если я вошёл сразу вслед за ней?»

– А может, она выложила содержимое сумки на полку в магазине? – высказала ещё одну гипотезу Саня.

Ей нравилось придумывать нестандартные решения на грани фантастики или даже за гранью.

– Майонез! – рассмеялся Иван. – Это она принесла российский майонез, чтобы я его купил. Как тебе такая идея?

– Логично! – поддержала его выдумку Саня. – Наверно, она состоит в тайном неотевтонском ордене. Орден помогает страждущим иммигрантам вроде нас. Узнали, что мы загигаемся здесь без нормального майонеза, и решили нас облагодетельствовать. Послали своего лучшего агента.

– Точно! А на Наташу она похожа, потому что брала у неё уроки русского языка, и теперь во всём старается ей подражать. Поэтому даже сумка, как у Наташи.

2012 год. Иннокентий

Вернувшись домой, Наташа первым делом хотела отправиться в душ, но у Иннокентия были свои планы на её счёт. Встретив Наташу в прихожей, что было для него нехарактерно, он потёрся носом об её руку, фыркнул пару раз от незнакомых лесных запахов и стал жаловаться на жизнь. Обычно несклонный к мизантропии сейчас он брюзжал, как пенсионер после очередной рыночной реформы.

– Кеша, в чём дело? – строго спросила Наташа. – Кто тебя обидел?

Иннокентий ничего не ответил, и Наташа пошла на кухню, чтобы накормить его. Иногда изысканная телятина по-генуэзски неплохо поднимала ему настроение, хотя и стоила соответственно. Но любимый деликатес не помог. Иннокентий демонстративно отвернулся от еды и наспился.

– Ты плохо себя чувствуешь? – забеспокоилась Наташа.

Иннокентий посмотрел на неё долгим пронизывающим взглядом, словно говоря, что проблема лежит гораздо глубже. Лично с ним, возможно, всё в порядке, но мир в целом стремительно катится в пропасть. Наташа почувствовала, как нарастает напряжение, точно дурные предчувствия Иннокентия, вырываясь наружу, постепенно заполняли весь доступный объём и проникали в её сознание.

Она знала по опыту, как тонко её кот улавливает малейшие изменения в привычном режиме, в поведении близких ему людей, и никогда не отмахивалась от его тревог, даже если не понимала их причину. А сейчас Кеша вёл себя так, словно ждал чего-то очень и очень нехорошего.

– Ты хочешь меня предупредить, да? – спросила Наташа, не сомневаясь в ответе. – Я буду сегодня особенно внимательной, не волнуйся.

Кеша подошёл к миске с едой и подцепил своими крошечными белыми зубками кусочек телятины, как бы говоря, что он своё дело сделал – остальное за Наташей. И даже если апокалипсис наступит сегодня, надо немного перекусить до его начала.

– А я всё-таки пойду помоюсь! – сказала ему Наташа и пошла в ванную.

Кеша не возражал. Однако гигиенический порыв Наташи встретил на своём пути новое препятствие – сотовый затрезвонил громким настойчивым сигналом. Это означало, что звонят прямо из Издательства. Наташа поднесла телефон к уху и услышала голос Кати – бессменного секретаря шефа.

– Наташ, сегодня у нас внеочередное собрание сотрудников, – голос Кати звучал напряжённо, совсем не похоже на её обычный спокойный и деловитый тон.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила Наташа.

Похоже, Иннокентий не зря переживал, хотя сейчас по его довольному сытому виду уже невозможно было догадаться, что всего четверть часа назад он предсказывал хозяйке конец света.

– Шеф сам расскажет, – ответила Катя.

Наташа не стала допытываться – Кате предстояло обзвонить ещё пару десятков человек. Это при условии, что хотя бы одна треть сотрудников их сектора сейчас находится в Издательстве. Рабочий день у них был ненормированный, но некоторые её семейные сослуживцы предпочитали заниматься в тиши кабинетов, а не дома под звуки лазерных мечей и других развивающих детских игрушек.

Положив телефон, Наташа побежала в душ – до внеурочного собрания оставалось всего полтора часа, а надо было ещё успеть пообедать. Так же как и Кеша, она полагала, что глупо встречать конец света на голодный желудок.

– Ты, как всегда, оказался прав, – тихо сказала Наташа, проходя мимо развалившегося в кресле Иннокентия.

Тот посмотрел на неё своими глубокими изумрудными глазами с выражением: «Я же тебе говорил». Проводив взглядом Наташу, скрывшуюся в ванной, Иннокентий ещё пару минут задумчиво размышлял о превратностях бытия, а потом спокойно заснул. Светло-серый мех на его животе мерно вздымался и опускался, пушистая полосатая мордочка нежно прижалась к вытянутой передней лапке с белым «сапожком», а остальные конечности свободно свешивались с кресла. Его идиллический вид совершенно не вязался с его же собственными мрачными пророчествами.

На дорогу до Издательства у Наташи обычно уходило полчаса – она жила на противоположном конце города, в новом квартале. Те места коренным жителям Темноглавки казались недостижимой окраиной – ведь от Наташиного дома до центра пешком добираться аж целых 15 минут. Из сочувствия к незадачливым обитателям столь отдалённых мест городские власти недавно запустили единственный автобусный маршрут «1Т», связав квартал с автостанцией, но Наташа ни разу на новомодном автобусе не ездила. Она выросла в большом городе, и местные дистанции казались ей лилипутскими.

Издательство раньше ютилось в одном из зданий Академии, но недавно отпраздновало новоселье. Двухэтажный домик с эркером и верандой возвели прямо рядом с небольшим парком, отделявшим жилую часть города от академической. Наташа быстро проскочила липовую аллею, лишь на мгновение задержав свой взгляд на прыгающих по деревьям белках, хотя обычно всегда останавливалась понаблюдать за игривыми зверьками. Их рыжие хвосты кометами мелькали среди ветвей, но в её глазах не вспыхнуло ответного огня. Чем ближе Наташа подходила к Издательству, тем тяжелее становилось у неё на душе. Предчувствия Иннокентия и неожиданный звонок Кати слиплись в снежный ком, который катался внутри неё, притягивая к себе всё новые слои неосознанных опасений.

На ступеньках веранды Наташа нос к носу столкнулась со своим лесным знакомым. Роман улыбнулся ей, как бы подтверждая, что не забыл их утренней встречи, но радости в его взгляде не чувствовалось. Утром он улыбался совсем не так.

– Что случилось? – прямо спросила она Романа.

На его лице отразилось смущение. Роман явно пытался придумать какой-нибудь благовидный предлог, чтобы уклониться от ответа, но Катиних навыков у него даже близко не было. Он поёжился под неотрывным взглядом Наташи и ответил:

– Мне очень жаль, но ваш коллега, Сергей Мартынов, умер сегодня ночью.

Наташа поймала себя на том, что внимательно изучает пуговицы на рубашке Романа – маленькие, блестящие, с выпуклым ободком и четырьмя дырочками, сделанные из полупрозрачного тёмно-серого пластика. Его слова просто не укладывались у неё в голове. Она видела Сергея вчера вечером – он устроил у себя дома небольшую вечеринку по случаю завершения одного длительного издательского проекта. В памяти один за другим проносились эпизоды праздника, и в каждом звучал закадровый голос Сергея:

«Ты тортик уже попробовала? Петя принёс – его тётушка, выпускница кулинарного техникума, приготовила сей шедевр специально для нас. ... А теперь предлагаю тост за нашего самого вдумчивого корректора! За тебя, Наташ! ... Я знаю, какой многотомник нам нужно теперь отредактировать. Что? Не понял – вы хотите отдохнуть? Анатолий, неужели и ты тоже? Какой пример ты подаёшь своим сотрудникам! ... Возьми орешков к пиву, вон там на буфете. Извини, что сам не подаю, стараюсь их не трогать лишний раз. ... Вы читали вчерашнюю рецензию на наше творчество? Ехидная до жути, но интересная.»

Гвоздь вечера – торт. Многослойное сооружение весом примерно с Иннокентия любовно изготовили с учётом вкусов хозяина дома. Общей композицией торт слегка напоминал свадебный, но украшали его поверхность не банальные розочки и листочки, а самое настоящее

звёздное небо. Вместо фигурок жениха и невесты верхний корж увенчала будка Доктора Кто с приоткрытой дверцей. Наташа поразилась тому, каких высот достигла пищевая промышленность – покрывавшая торт пластинка с фотографически точным изображением ночного неба была съедобной. Будка, естественно, тоже.

Вчерашний вечер с Сергеем был настоящим, а слова Романа – это неудачный черновик будущего. Нужно взять красный карандаш и вычеркнуть неправильные строки. Но она не умела переноситься в прошлое.

Роман терпеливо стоял перед ней, хотя наверняка торопился на междугородний автобус. Да и Наташе нужно было спешить на собрание, хотя уже было ясно, зачем оно.

– Вы ведь на московский автобус идёте? – спросила она. – Извините, что задержала вас.

– Ничего, я успею, – ответил Роман. – До свидания!

– До свидания! – сказала Наташа и вошла в Издательство.

Следующие два часа для Наташи не текли и не шли так, как обычно проходит время. Они распались на отдельные эпизоды, словно кусочки разбитой мозаики. В дальнейшем, когда она вспоминала о собрании, ей стоило больших усилий разложить события в хронологическом порядке. Да и был ли смысл в том, чтобы упорядочивать хаос бесплодных сожалений?

Громче и бессвязней всех убивался Петя Скарин – именно его тётя приготовила изумительный торт, ставший гвоздём вечеринки. Он тряс своей огромной головой с чёрными курчавыми волосами и повторял раз за разом, не в силах успокоиться:

– Я же просил её. Чтобы не клала никаких орехов. Но тётя же всё делает по рецептам. Как её учили. Орехи для украшения, да, заменила на ягоды. А в тесто всё равно добавила фирменную пасту. Она же её закупает специально. Это для кулинаров. Не может она без этого – профессионал, одно слово. Я сегодня утром прочитал, что на ней написано. А там же орехи!

То один, то другой сотрудник брались утешать Петю, объясняя, что ни он, ни его тётя ни в чём не виноваты – Сергей постоянно нарывался на орехи в самых невинных блюдах, и дома, и в гостях. Но он же прекрасно знал про свою аллергию и на такой случай всегда держал при себе лекарства.

– Я уходил последним, – рассказывал Анатолий Викторович, – и на всякий случай попросил Сергея проверить, на месте ли его шприцы. Ведь и кроме торта мы принесли много разной еды неизученной этиологии. Один инъектор лежал прямо в прихожей на полке, я его видел своими глазами. А второй Сергей обычно хранил на кухне про запас. Ему всегда хватало одного.

Начальник отдела говорил неторопливо, в своей обычной рассудительной манере. Но вид у него был довольно мрачный, и руки заметно дрожали. Небольшой рост и худощавое телосложение сочетались в нём с исключительной твёрдостью характера и способностью находить выход из самых патовых ситуаций. Сейчас выхода не было – даже его всегдашняя предусмотрительность не смогла отменить нелепую случайность.

Наташа слушала коллег и постепенно свыкалась с неизбежностью случившегося. Однако трудноуловимое воспоминание мерцало на периферии её сознания, не давая ей окончательно переместиться из безоблачного вчера в трагическое сегодня, а затем и в более спокойное завтра. Как будто заноза застряла в памяти. Может быть, сгинувшая мысль касалась тех самых инъекторов адреналина, которые Сергей всегда держал при себе? Что с ними случилось? Или дело совсем не в них?

– Анатолий Викторович, а вы не помните, Сергей запер за вами дверь? – спросила Наташа начальника, уловив момент, когда все уже немного успокоились и разбились на отдельные группы.

Но ответил ей вовсе не Анатолий Викторович, а замдиректора Юрий Рудольфович. Он пришёл на их собрание, как представитель дирекции Издательства, ответственный в том числе за организацию похорон. Хотя обычно курировал менее печальные мероприятия вроде юби-

лейных конференций. Его всегда приветливое подвижное лицо сейчас застыло в тоскливом недоумении, как будто он никак не мог свыкнуться со своей траурной ролью.

– Я точно знаю, что не запер, – отозвался замдиректора на вопрос Наташи. – Я ведь заходил на вечеринку ненадолго, помните? Из Издательства забежал на полчаса. И забыл в прихожей зонтик. Потом уже сообразил, когда домой шёл. Прошёл мимо дома Сергея, у него свет горит. В дверь постучал, никто не открыл. Толкнул её, слышу, Сергей говорит по телефону. Я не стал его отвлекать. Забрал зонтик и ушёл тихонько.

– Юрий Рудольфович, а вы не видели, инъектор по-прежнему лежал в прихожей? – не удержалась Наташа, хотя могла заранее предсказать ответ.

– Не обратил внимания.

Однако вопрос оказался не совсем бесполезным. Наташа внезапно вспомнила, что зацепило её внимание, когда она возвращалась домой от Сергея. Они вместе с Марфой шли к огромному коттеджу – подруга остановилась у своих родственников на Базовой улице. С этой улицы полвека назад начался город, но от прежних одноэтажных деревянных домов отцов-основателей сохранился только один, став музеем-квартирой. На остальных участках потомки, унаследовавшие ум, предприимчивость и хороший вкус своих родоначальников, отстроили изящные многоэтажные особняки.

Слева тянулся зелёный школьный забор, у забора росли клёны и ели. Пока они шли вдоль школы, Марфа пыталась подбить Наташу на редактирование одного интересного перевода. Наташа вяло отбрыкивалась, понимая, что перевод придётся начисто переписать, а не просто выкатить список замечаний. Настойчивость Марфы уже почти пробилась её оборону, да и книга была несомненно стоящая, но в этот момент на перекрёстке появился смутно знакомый Наташе мужчина и неторопливо двинулся им навстречу. Марфа поздоровалась с ним. Наташа не преминула воспользоваться случаем и увела разговор в сторону.

– А кто это? – прошептала она подруге, когда мужчина отделился от них шагов на десять. – Вроде бы я его видела раньше.

– Ещё бы не видела, это же Кондратьев, директор московского филиала, – Марфин голос, казалось, прогремел на всю улицу.

– А, так это Антон Петрович, правильно? – с этими словами Наташа обернулась, чтобы ещё раз взглянуть на него и заодно убедиться, что Кондратьев уже достаточно далеко ушёл и не услышал трубного гласа Марфы.

На улице никого не было. Наташа удивлённо обежала взглядом редкие клёны и ели, как будто Кондратьев мог спрятаться за ними, но при его габаритах это было бы затруднительно. Если бы на месте Кондратьева был, скажем, Анатолий Викторович, то его внезапное исчезновение не вызвало бы у неё никаких вопросов. Но ни один из её коллег не мог занять директорскую должность. Начальник отдела или лаборатории – это был потолок. После недолгих размышлений Наташа решила, что директор, возможно, резко ускорился после встречи с ними и завернул за угол, где начинался лес. Мало ли какие срочные потребности могут возникнуть у мужчины его возраста. Хотя выглядел он прекрасно, всё же лет ему было никак не меньше пятидесяти.

Но теперь, когда Наташа сопоставила вчерашнюю встречу с Кондратьевым и неожиданное появление Романа в лесу сегодняшним утром, у неё возникли такие вопросы, которые стоило бы задать шефу в более конфиденциальной обстановке. Пока она решила проследить судьбу инъекторов.

Домой девушка возвращалась одна, но не кратчайшим маршрутом, а ровно тем путём, каким провожала вчера Марфу. Дойдя до конца липовой аллеи, не свернула направо – к дому, а пошла дальше прямо – по Базовой улице. Наташа внимательно смотрела по сторонам и пыталась угадать вчерашний маршрут Кондратьева. Но вместо Кондратьева в памяти вдруг всплыл Роман и серые пуговицы на его рубашке. Она резко остановилась.

«Он же был в футболке, – подумала Наташа, – утром он был в футболке, а не в рубашке. Когда он успел переодеться и зачем?»

Замерев на месте, она прокручивала в памяти две своих встречи с Романом. Сегодня утром на нём была белая футболка с горделивой надписью: «Математик сделает лучше». Никаких пуговиц не было. Днём он щеголял в однотонной рубашке с маленькими блестящими пуговками. Никаких надписей на рубашке она не видела. Откуда Роман взял рубашку, если приехал в Темноглавку без вещей? Наташа точно помнила, что у него не было ни рюкзака, ни портфеля, когда они встретились утром в лесу.

Девушка напряжённо размышляла о странностях своего нового знакомого, а глаза её машинально, без всякой цели, скользили по густым кустам шиповника у забора. И в этот момент она случайно увидела предмет, которому здесь было вовсе не место. Ветки и листья почти полностью скрывали его, и, если бы Наташа не остановилась ровно в этом месте, она бы ничего не заметила.

– Иннокентий, ты оказался дважды прав, – сказала Наташа и подошла поближе к забору.

2084 год. Дневник

Страх и отвращение то отступали, то накатывали с новой силой. Мартин чувствовал себя гробокопателем – осквернителем могил. В детстве он смотрел старинный фильм о вампирах. Они спали в гробницах, и смертным не стоило нарушать их покой. Пирамиды ящиков на свалке металлолома ничем не напоминали мраморные усыпальницы из фильма, но ужас внутри Мартина прочно связал их с героями мрачных древних легенд.

Контейнеры с яркими надписями казались ему вместилищами зловещей нечисти – не живой, но и не мёртвой. Словно содержимое ящиков ждёт своего часа и нападёт на первого неосторожного путника. Но Мартин продолжал передвигать ящики, пока не добрался до самого нижнего. Как бы ни было противно, нельзя отклоняться от указаний в Путеводителе. Иначе в его походе нет никакого смысла.

«Хорошо, что Лилит не видит, чем я занимаюсь», – думает Мартин.

Перед ним стоит нижний контейнер. Он оказался не таким тяжёлым, как остальные. Особенный ящик. Внутри сюрприз.

Мартин оглядывается по сторонам и прислушивается – грохот мог привлечь зомби. Ничего подозрительного не обнаруживает. Ему хочется ещё потянуть время, но он заставляет себя взломать ящик прямо сейчас.

Крышка трескается почти сразу и распадается на два куска. Сначала Мартину показалось, что внутри ничего нет. Он отбросил обломки крышки и увидел небольшой свёрток. Несколько слоёв промасленной бумаги защищали его от влаги.

Мартин ощупал свёрток, слегка помял его и решил, что внутри лежит книга. Он не стал проверять свою догадку. Вряд ли это одна из Книг, но в любом случае замусоренный двор – не подходящее место для чтения. Здесь слишком грязно и опасно.

Он убрал свёрток в рюкзак и направился к выходу. Ворота по-прежнему слегка раскачивались и поскрипывали от ветра. Нагромождения металлических каркасов больше не кажутся непривычными, Мартин легко различает их по знакомым ориентирам вроде красной облезлой дверцы от спортивного автомобиля или огромного колеса от грузовика. Ещё один поворот и покажется ограда с воротами.

Звук створок, скребущихся об асфальт, слышится яснее. Тембр скрипа слегка меняется, и необычные нотки заставляют Мартина резко отступить ещё до того, как он осознаёт изменение. Из-за штабеля дисков на него выскакивает Фт'х в грязно-белом оборванном комбинезоне. Но сам Фт'х неплохо сохранился и по-прежнему способен прикидываться человеком.

Мартин запоздало понимает, что именно изменило скрип ворот. Характерный шаркающий звук походки Фт'ха безупречно наложился на мерное покачивание створок. Само название Фт'х было звукоподражательным и передавало отличительный признак этой разновидности зомби. Но их способность маскировать звук ходьбы поистине не знала себе равных.

«Как будто он разумный», – удивляется Мартин.

Одновременно он уворачивается от броска Фт'ха. Доставать автомат некогда, приходится пользоваться подручным оружием. Мартин выхватывает из основания штабеля диск с удобными отверстиями для руки и обхватывает его покрепче. Верхние диски обрушиваются на зомби, и тот падает.

После падения Фт'х мгновенно меняет тактику. Хватается за голову и пытается изобразить жалобный взгляд. Получается плохо, потому что его зубы всё ещё оскалены. Зомби не в состоянии контролировать мышцы рта, когда видят потенциальную жертву. Но у Фт'хов есть свои хитрости.

– Мне очень плохо, – говорит зомби, – мне нужна помощь.

Он повторяет эти слова раз за разом и не отрывает рук от головы. Оскаленные зубы больше не выглядят агрессивно. Кажется, что ему ужасно больно. Иллюзия почти идеальна.

Из всех видов зомби только Фт'хи сохранили дар речи и умение выжидать. Если бы не они, Приход удалось бы остановить. Но теперь их уловки уже ни на кого не действовали – даже маленьких детей учили распознавать Фт'хов. Люди ненавидели и боялись хитрых тварей сильнее, чем всех остальных вариаций зомби.

Мартин слушает монотонные жалобы и чувствует, как его охватывает ярость.

– Хорошо, я тебе помогу, – прерывает он монолог Фт'ха, – отведу к доктору. Вставай!

– Да, доктор, – предсказуемо реагирует Фт'х, – мне нужен доктор.

Голосовой аппарат у него неплохо сохранился, дикция почти такая же чёткая, как у первых Фт'хов. Тех, кто сумел обмануть людей.

Мартин протягивает Фт'ху левую руку. Это классический приём – зомби уберёт одну руку, а если повезёт, то и обе руки от головы, и можно будет ударить его по шее.

Но этот Фт'х успел неплохо обучиться. Его руки по-прежнему обхватывают голову и заслоняют шею. Зомби начинает приподниматься с земли. Детей в таких случаях учили отступать подальше, но Мартин не ребёнок.

Он размахивается и бьёт Фт'ха диском по шее. Диск сначала попадает по запястью, и рука зомби отлетает в сторону. Затем в том же направлении катится голова. Вторая рука повисает на лоскуте кожи. Крови нет. У зомби её не бывает.

Теперь, когда опасность миновала, Мартин смог рассмотреть Фт'ха повнимательней. Почти все Фт'хи белые, и этот не стал исключением. В Сообществе Мартина многие считали, что Фт'хами становились исключительно воспы, но определить по виду зомби социальный статус в бытность его человеком – это задача не из лёгких.

Однако Фт'х со свалки и правда оказался воспом. С руки его на асфальт упали золотые механические часы. Мартин поднял их и прочитал выгравированную на обратной стороне надпись:

«Сыну Энтони на выпускной».

Мартин положил часы в карман комбинезона на груди зомби. Вряд ли у Фт'ха остались родственники среди людей, но если остались, то часы помогут его опознать.

Створки продолжали свою заунывную песню, но никто больше не пытался имитировать их скрежет. Мартин дошёл до ворот, закрыл створки и примотал друг к другу цепью. Кроме Фт'ха, никто не успел пробраться внутрь, хотя в отдалении видны силуэты других зомби. Они слышали шум, пока он возился с ящиками, и начали двигаться в сторону свалки. Но это уже было не важно. С цепью они не справятся. Даже Фт'хи не сохранили никаких навыков работы с инструментами. Мартин бесшумно выбрался на дорогу и пошёл дальше на север.

2012 год. Улика

Наташа достала из сумки бумажную салфетку и просунула руку между ветками шиповника, доставая находку. От неожиданного открытия привычная осторожность изменила ей. Острый шип впился между большим и указательным пальцами. Колючка оказалась на удивление прочной и не сломалась от движения руки, оставив на коже глубокую царапину.

– Растяпа, – прошипела Наташа сама себе, разглядывая окровавленные пальцы.

Кровь капала на листья шиповника, словно отмечая место находки. Девушка быстро переложила салфетку с предметом в правую руку, пока он не запачкался, и теперь неловко пыталась одной рукой запихнуть его в сумку. Вдобавок в боковом тупичке, ответвлявшемся от Базовой улицы, слышались громкие голоса – в её сторону направлялась весёлая компания. Сейчас предложат помощь, а потом по всей Темноглавке разнесётся история о «поющей в терновнике».

Наташе непременно требовалось сохранить своё открытие в тайне от широкой общественности. Она быстро направилась обратно к Издательству. Ощущение было такое, как будто на неё неожиданно свалилось новое задание. Но на этот раз история слишком близко её касалась. Не получалось отнестись к происходящему отстранённо и беспристрастно, как на настоящих заданиях. Только сейчас Наташа в полной мере осознала, что её прошлые миссии в других городах и странах, касавшиеся совершенно незнакомых ей людей, проходили без сучка без задоринки ровно потому, что это был не её мир и не её друзья.

Поднимаясь на веранду, девушка осмотрела поцарапанную руку. Кровь уже перестала течь, но порез стоило обработать. А если шеф ещё не ушёл, то хорошо бы с ним поговорить. И о Романе, и о Кондратьеве, и о том, что она вытащила из кустов шиповника.

«Хотя бы пол не запачкаю», – подумала Наташа, направляясь в приёмную, где обычно работала Катя.

– Анатолий Викторович у себя? – спросила она секретаря.

Катя кивнула и в свою очередь поинтересовалась, доставая аптечку:

– Кто тебя покусал?

– Вот об этом я и хотела поговорить, – ответила Наташа.

Она осторожно извлекла из сумки инъектор, обёрнутый салфеткой, и положила его на письменный стол Кати.

– Давай сюда руку, – сказала Катя, а когда Наташа нерешительно покосилась на лежавшие перед ней документы, добавила, – да не бойся, это ненужные бумаги, всё равно выбрасывать.

В этот момент дверь в кабинет шефа отворилась, и Анатолий Викторович, привлечённый разговором, появился на пороге. Он сразу заметил находку.

– Где вы его обнаружили, Наташ? – спросил он.

– В кустах шиповника на углу у школьного забора, – ответила Наташа, помахивая поцарапанной рукой в подтверждение своих слов.

– Не дёргайся, – шикнула на неё Катя, пытаясь перевязать ей руку.

– Тогда не получится использовать его в качестве доказательства злого умысла, – рассудительно заметил шеф. – Даже если на нём обнаружатся отпечатки пальцев, в чём я сильно сомневаюсь. Кто угодно мог подбросить его в кусты. И лично я не смогу засвидетельствовать, что это в точности тот самый инъектор, который Сергей хранил на кухне.

Он не выглядел удивлённым. Как будто изначально не сомневался в том, что инъекторы Сергея пропали, и не просто пропали, а были украдены намеренно. И теперь шеф трезво оценивал потенциальную улику, обдумывая все её сильные и слабые стороны.

– То есть это точно не инъектор из прихожей? – уточнила Наташа.

Дело выглядело всё запутанней. Инъектор из прихожей несложно было унести без ведома хозяина. Унёс ведь Юрий Рудольфович свой зонтик, пока Сергей говорил по телефону. Но выкрасть инъектор с кухни и остаться незамеченным – это совсем другое дело. Нужно пройти через всю квартиру.

– В этом я абсолютно уверен, – подтвердил шеф. – Бренд тот же самый, но найденный вами экземпляр выглядит новее. А как вы догадались, где его искать?

Анатолий Викторович внимательно посмотрел на Наташу.

– Случайно заметила по дороге домой, – медленно произнесла Наташа, пытаясь восстановить в памяти свои мотивы. – Но до этого было несколько странных встреч.

Сначала она хотела проследить вчерашний путь Кондратьева, потом вспомнила о загадочных преображениях Романа и остановилась прямо рядом с кустом. Случайные совпадения? Или дело в Романи? Шеф словно угадал её мысли:

– Если вы о Романи из Москвы, то его сегодняшний визит в Издательство к делу не относится, – сказал он тоном, исключавшим всякие расспросы.

«Ладно, – сказала Наташа про себя, – будем искать под другим фонарём».

Катя закончила бинтовать ей руку, и они втроём разместились на креслах в приёмной. Наташа рассказала о вчерашней встрече с Кондратьевым. В первый раз за время разговора ей удалось слегка поколебать невозмутимость шефа.

– Но вы ведь не видели, как он исчез? – переспросил Анатолий Викторович, выделив голосом последнее слово.

– Нет, – честно призналась Наташа. – Это была моя первая мысль, но я не видела, что случилось на самом деле.

– Однако ваше изначальное впечатление могло оказаться верным, – задумчиво произнёс шеф и надолго замолчал.

– Но этого же не может быть, – вступила в разговор Катя. – Он должен был бы сообщить о своих..., – она запнулась на секунду, подбирая нейтральное слово, – возможностях.

– Если это случилось с ним в первый раз, – возразил шеф, – то он может быть в шоке. Пытается объяснить случившееся провалом в памяти. Не удивлюсь, если сейчас он в панике бежит по врачам в поисках страшных диагнозов.

– Первый раз в таком возрасте? – удивилась Катя. – Ему шестьдесят два года, между прочим.

Не зря шеф так ценил Катю. Сейчас она в очередной раз сработала в режиме ходячего справочника «Кто есть кто в Издательстве» с функцией голосового помощника. Возможно, она помнит даже точную дату рождения Кондратьева, но предпочитает не отягощать слушателей лишними подробностями.

– Да, это небывалый случай, – согласился шеф.

Обычно, возможности, как выразилась Катя, первый раз проявлялись в подростковом возрасте, во время сильных гормональных изменений. Сначала всё можно было списать на рассеянность, синдром дефицита внимания или ещё что-нибудь в этом духе. Часто удавалось распознать феномен раньше, чем обладатель особого дара начинал серьёзно беспокоиться о своём психическом состоянии. Но в отдельных случаях дар проявлялся позже.

– Может быть, он принимал лекарства, которые блокируют возможности? – предположила Наташа.

– Мы мало знаем о том, как современные медикаменты влияют на наши способности, – ответил шеф. – Но о полной блокировке я никогда не слышал. И вот ещё что меня смущает. Если бы с Кондратьевым и раньше происходили подобные вещи, он бы наверняка догадался поговорить с кем-нибудь из наших коллег. Он ведь достаточно много знает о нас.

– А если он предпочитает скрывать свой дар? – спросила Наташа. – Но использует его в личных целях.

– Дар невозможно использовать в личных целях, ты же знаешь, – удивилась Катя. – Задания не имеют отношения к выбранному для них исполнителю. Никакого конфликта интересов. Часто даже истинную цель задания нельзя угадать.

У самой Кати дара не было, но она достаточно долго работала с Анатолием Викторовичем и собрала приличную базу данных.

– Да, это так, – согласился шеф, – но можно не выполнить задание по неосторожности или намеренно. Кроме того, необученный исполнитель, скорее всего, даже не догадается, что именно от него требовалось. Он может попытаться сделать что-то лично для себя.

– По-моему, мы зашли в тупик, – резюмировала Катя их обсуждение. – Всё, что мы знаем достоверно, это то, что Марфа и Наташа видели вчера Антона Петровича на Базовой улице. Всё! Мы же не собираемся на основании этой встречи обвинять директора московского филиала в сокрытии особых возможностей?

– Кстати, а зачем вообще Кондратьев приезжал в Темноглавку? – спросила Наташа. – Что он у нас вчера делал?

– Хороший вопрос, – заметил шеф. – Лично мне о его визите ничего не известно. С другой стороны, вряд ли его интересовал именно наш отдел. Но я попробую разузнать, с кем именно он встречался в Издательстве. И сдам иньектор в лабораторию. Думаю, завтра уже будут результаты.

Наташа поднялась, собираясь уходить. День оказался слишком длинным. Ей по-прежнему казалось, что Роман тесно связан с трагическими событиями, но если шеф считает, что не нужно привлекать к делу её нового знакомого, то у него наверняка есть веские основания. Возможно, Роман лицо заинтересованное. Впрочем, они все здесь такие, и сама Наташа не исключение. Сложно представить себе жизнь Издательства без Сергея. И если его смерть не просто нелепая случайность, то надо найти виновного.

В четвёртый раз за сегодня Наташа прошла по липовой аллее. Смеркалось, шустрые белки спрятались, прохожих не появлялось. Повеяло вечерней прохладой. Если сейчас из-за деревьев появится Роман, но не в футболке, и не в рубашке, а в толстовке с надписью «Усложнять – просто, упрощать – сложно», это станет закономерным итогом абсурдного дня.

В этот раз она сразу свернула направо. Хотелось поскорее вернуться домой, погладить Иннокентия и рассказать ему о том, что он и так давно знает.

Может быть, она сама напридумывала себе несообразностей и пытается найти смысл в совершенно случайных совпадениях? А иньектор просто выпал из рюкзака школьника, спешившего утром на уроки. Тот же Миша постоянно теряет самые важные вещи. Правда, иньектора у него нет, да и вообще нет никаких аллергий. Но ведь Миша не один такой растеряша.

Успокоительные мысли роились у Наташи в голове, пока она шла домой. Но она не верила. Её уютный маленький мир рухнул. Настало время применить свои способности в том деле, которое касалось её самым непосредственным образом.

2084 год. Ниагара

В тот вечер Мартин остановился на ночлег раньше обычного. После автосвалки он прошёл миль десять на север, затем выбрал один из ангаров на карте и двинулся к нему, но по пути нашёл другое подходящее строение. То ли амбар, то ли коровник. Выросший в большом городе Мартин не разбирался в таких вещах. Стены и дверь отлично сохранились, на двери обнаружился прочный засов. Крыша с одного края прохудилась, но стены оказались достаточно высокими – зомби никак не смогут забраться на крышу.

До заката оставался ещё час. Мартин вскарабкался по стене, осторожно перебрался на кровлю рядом с потолочной балкой. В этом месте крыша оказалась надёжной. С высоты открывался хороший обзор на окрестные поля. Зомби не подберутся незамеченными. Можно спокойно почитать книгу из контейнера Стокса.

Солнце садилось в заросли кукурузного поля. Между стеблями кукурузы возвышались громадные сорняки – дикая природа постепенно отвоёвывала сельскохозяйственные угодья у культурных растений. Никто не возделывал поле со времён Прихода, но кукуруза пока не собиралась сдаваться. Она вырастала снова и снова каждую весну, хотя некому было собирать её осенью.

«Почему зомби не едят кукурузу?» – подумал Мартин.

Строго говоря, зомби вообще ничего не ели. Они не переваривали пищу так, как это делали люди. Их тела больше походили на биоконструктор. Людей зомби использовали в качестве строительного материала или запчастей.

Мартин никогда не изучал, как именно зомби восстанавливают свои ткани. Он знал об их способности к регенерации, но отказывался наблюдать, как они это делают. В Сообществе любили пересказывать самые дикие истории о трансформациях зомби в зависимости от исходного материала, но у Мартина разговоры об их пищевых привычках вызывали жгучее отвращение.

Как бы то ни было, зомби не использовали растительные продукты для регенерации. Только плоть животных. А самым распространённым животным всё ещё оставался человек.

Лучи солнца скользили по крыше, пламенеющий диск постепенно краснел, над ним сгущались синеватые облака. Надо читать, пока светло. Мартин открыл книгу и понял, что перед ним дневник. Толстая тетрадь в тёмно-рыжей кожаной обложке. На первой странице чёткими рукописными буквами выведено: «Сергей Саянов».

Тот самый Саянов.

Тетрадь чуть не выпала из рук Мартина. Впрочем, он с самого начала знал, что не найдёт в контейнере с надписью «Стокс» ничего хорошего.

В паре миль к северу невидимый наблюдатель опустил бинокль. Он сидел на крыше ангара – именно там Мартин хотел заночевать, пока не наткнулся на деревянный сарай у кукурузного поля. От наблюдателя не укрылась быстрая смена выражений на лице Мартина: сдержанное любопытство, крайнее изумление, страх, отвращение, ненависть. Однако расстояние не позволяло определить, какая именно книга произвела столь сильное впечатление на своего единственного читателя.

Наблюдатель спустился вниз и пошёл в ангар устраиваться на ночлег. Слишком поздно для разведки. Но завтра утром стоит узнать о книге побольше.

Из дневника Сергея Саянова:

«Я намеренно не использую в своих записях никаких специальных терминов. Не знаю, кто в будущем прочтёт эти строки, но даже если мой неизвестный читатель окажется биологом, я не смогу объяснить ему научную подоплёку случившейся трагедии. Могу лишь высказать неясные подозрения, что разгадка лежит в той области, которой я раньше пренебрегал.

Меня всегда интересовала живая материя во всех её проявлениях, и без ложной скромности могу сказать, что мои собственные исследования внесли существенный вклад в науку о живых организмах. Но я никогда не изучал проблему сознания, а работы других учёных на эту скользкую тему казались мне сомнительной смесью философии и математического моделирования. Я не видел в них связи с устройством реального мира, а каждая моя попытка пробраться сквозь наукообразные конструкции оставляла стойкое ощущение, что вместо строгих и беспристрастных выводов авторы предлагают лишь беспочвенные гипотезы или откровенные фантазии.

Но когда мои собственные научные результаты позволили расширить физические возможности человека, дав каждому шанс создать тело его мечты, я внезапно понял, что не знаю, как именно тело влияет на сознание. В здоровом теле здоровый дух, так принято было считать, но теперь я понимаю, что тело и сознание образуют крайне неустойчивое сочетание и поиск оптимального равновесия между ними – это отдельная сложная задача. Неконтролируемое улучшение тела может полностью разрушить сознание. Думаю, именно это и случилось с теми, кто злоупотреблял моей методикой...»

Мартин никогда не ругался и сейчас тоже сдержался, но с большим трудом. Автор дневника оправдывался, как типичный восп. Они всё и всегда делали правильно, а если что-то шло не так, то виноваты оказывались другие. Те, кто слепо верил в знания и мудрость воспов. У Саянова не было ни ложной скромности, ни обычной. Очевидно, дневник написан уже после Прихода, но даже тогда разработчик «методики» продолжал изображать из себя всезнающего учителя. Именно он призывал лечить Фт'хов.

Солнце почти зашло, и Мартин быстро пролистал тетрадь. Высокопарный восповский бред оставим на другой раз. Сейчас ему требуется прояснить лишь один вопрос: как далеко на север придётся забраться? Указания на одной из последних страниц подтвердили его худшие опасения – нужно пересечь Канадскую стену. Он не знал, что творится на другой стороне после Прихода, но и до Прихода отношения с непримкнувшими территориями были так себе.

В сумерках он спустился с крыши, зашёл в сарай и тщательно запер дверь на засов. Тетрадь снова завернул в бумагу. Спрятал её во внутреннем кармане плаща, затем аккуратно убрал плащ на самое дно рюкзака. В тетради могут быть полезные сведения. Первое возмущение прошло, и Мартина уже не так раздражал высокомерный тон Саянова. Как-никак тот признал своё упущение, а это смелый шаг для такого напыщенного воспа.

Ночь прошла тихо, хотя один раз Мартин проснулся. Ему казалось, что разбудил его отдалённый звук выстрелов на севере, несколько минут он прислушивался, но наяву ничего не услышал. С первыми лучами солнца вышел наружу и снова влез на крышу. С высоты разглядел длинный ангар, но с такого расстояния затруднительно определить, есть ли поблизости от здания люди или зомби.

Мартин решил наведаться в ангар сразу после завтрака. Всё равно ему по дороге, а если он встретит людей, то сможет расспросить их о северных территориях. Кроме того, ангар мог оказаться складом ценных вещей. Патронов пока хватает, но Мартин никогда не упускал случая пополнить запас.

Обратно на дорогу он выбирался через кукурузное поле. На минуту задержался у ручья. Журчащий поток воды пересекал тропинку и бежал дальше к Великим озёрам. Наверно, в жаркие месяцы ручей пересыхал, но сейчас вода шумно падала с каменистого овражка, как Ниагарский водопад в миниатюре. На рассвете у ручья пели птицы – Мартин слышал их, пока умывался. Ниже по течению плескались два канадских гуся, их длинные чёрные шеи то гордо вытягивались вверх, то изгибались, как змеи, когда гуси ныряли клювами в глубь ручья.

Мартин прислушался, но никого из пернатых поблизости уже не было. Возможно, птицы тоже двигались на север к своим летним гнёздам за Канадской стеной и теперь перелетали через Ниагару.

После Прихода Мартин научился находить свои плюсы в сельском быте. Раньше он был убеждённым городским жителем. На природу выезжал редко, и каждый поход воспринимал как экзотическое развлечение. На природе можно было отдыхать, но нельзя было жить.

Но в последние годы они с Лилит часто уходили на бесконечный пляж и жили у моря по несколько дней. С их стороны побережье острова почти очистили от зомби, однако Мартину всё ещё удавалось оправдывать их вылазки охотой за уцелевшими на виллах редкими экземплярами. На самом деле, им нравилось ускользать из Сообщества – не видеть косых взглядов, не думать о жёстких правилах и жить так, как им хотелось. Если бы Мартин был уверен, что у них никогда не будет детей, он бы предложил Лилит уйти насовсем. Но с маленькими детьми не выжить вне Сообщества.

Чем ближе он подходил к длинному металлическому строению, тем яснее становилось, что ночью здесь были люди. У входа дежурило несколько фигур. Их вялые бессмысленные телодвижения сразу выдавали в них зомби. Скорее всего, они почуяли людей ещё ночью или даже сумели напасть на них в темноте и теперь ждали продолжения банкета. Иногда зомби натывались на алюминиевые баллоны у стены ангара, меняли направление движения, но далеко не отходили. Периодически бились о запёртую дверь, как будто люди всё ещё прятались в ангаре.

Мартин беспокоился. На месте людей он бы давно ушёл через противоположный выход. Но осторожный обход ангара по периметру убедил его, что оба выхода запёрты. Может быть, внутри никого и не было, но зомби, несмотря на свою тупость, всё-таки обычно расходились, если не чувствовали присутствия человека. Что если люди сильно пострадали и теперь не могут выбраться наружу?

В любом случае надо разобраться с голодными зомби у входа. Мартин достал автомат и направился в сторону блестящих на солнце баллонов. На этот раз он намеренно шумел, наступал на ветки, пинал ногой камушки, и зомби обратили на него внимание. Они явно разрывались на части, словно Буриданов осёл – то ли дальше биться о стены ангара, то ли идти за новой добычей. Всё же неуклюжие фигуры чуть-чуть отступили от входа в сторону Мартина, и теперь можно было стрелять в них, не опасаясь пробить стену ангара.

Прицельными выстрелами Мартин снёс пару голов. Один зомби забился в щель между двумя баллонами, пришлось подойти поближе. Мартин тщательно прицелился, но в самый момент выстрела мишень, словно нарочно, споткнулась, и пуля угодила в баллон. Пробила алюминиевые стенки насквозь. Из дырок мгновенно повалил серо-зелёный дым и окутал сначала уцелевшего зомби, а потом Мартина. Тот не сразу осознал опасность и снова попытался прицелиться в идущего на него зомби. Но пальцы не слушались, оружие выпало из рук, а ещё через секунду Мартин понял, что лежит на потрескавшемся асфальте и не может пошевелиться.

На зомби отравы не подействовала. Сквозь дым на Мартина надвинулся гротескный силуэт в рваном джинсовом костюме. Теперь зомби слегка напоминал старинного рок-певца на сцене в романтических клубах тумана от дымогенератора. Пышная рыжая грива на голове зомби дополняла образ. Только гитары у него в руках не было, зато оскаленный рот словно пытался выкрикнуть громогласный припев. Происходящее казалось Мартину ненатуральным, как будто ночью он заснул перед экраном, где по-прежнему шла картинка без звука. Но он понимал, что всё происходит на самом деле, и скоро зомби доберётся до него. Газ лишил способности двигаться, но никак не влиял на сознание.

Мартин попытался отползти к ангари, подальше от дыма, но тело не слушалось его. Он смог лишь слегка повернуть голову, и теперь вместо зомби видел край двери. Внезапно в немое кино вторгся резкий металлический звук. Дверь отворилась и наружу вышла чёрная фигура. Лицо её полностью закрывала огромная маска с очками. Но уверенная походка говорила о том, что это скорее человек, чем зомби. Фигура ухватила Мартина под мышки и медленно пота-

щила в ангар. Зомби продолжал преследовать ускользающую добычу, но резко захлопнувшаяся дверь отбросила его назад в клубы дыма.

– Ты совсем debil?! – крикнула фигура, потом прислонила Мартина к стенке и отступила подальше от двери.

Она отсоединила часть маски, но цвета кожи всё равно нельзя было разобрать. Голос определённо был женский, а темперамент и акцент живо напомнили Мартину жителей южных штатов.

Мартин понял, что её вопрос обращён к нему, а не к зомби за дверью, и попытался опровергнуть нелестную характеристику. Но вместо слов смог издать лишь неразборчивое мычание.

– Ты не видел, что на канистрах написано?! Или читать не умеешь?! – фигура явно спешила воспользоваться беспомощностью Мартина и наговорить ему побольше гадостей, пока он не может ответить ей тем же.

Тот решил не обращать внимания на её выпады. На баллонах действительно были написаны какие-то буквы и цифры, но в них не было ни складу ни ладу. Умение читать совершенно не помогало разбираться в бессмысленных комбинациях символов.

– А если бы ты сразу несколько канистр прострелил, я бы даже противогаз надеть не успела. И съели бы тебя зомби за твоё невежество!

Теперь Мартин понял, что сложносоставная маска защитила вредную девушку от дыма из баллона. Похоже, ангар действительно был складом, но совсем не того оружия, каким он привык пользоваться. Он вспомнил, что до Прихода похожий газ иногда использовала полиция для подавления беспорядков в городах.

– Ты что, немой? – поинтересовалась девушка и подошла поближе. – Действие газа обычно начинает ослабевать через две минуты после прекращения контакта с действующим веществом. Сначала восстанавливается работа лицевых мышц, затем голосового аппарата.

– Ты мне лекцию читаешь? – спросил Мартин и с удивлением понял, что голосовой аппарат и правда заработал.

Он вовсе не хотел задавать вопрос вслух. Девушка и так на взводе, сейчас обидится на него. Но она, наоборот, успокоилась.

– Извини, перенервничала, – сказала она с улыбкой и подошла поближе. – Я и сама толком не разобралась, что в тех канистрах. Не сильна в химии. Вдруг бы там оказалось что-то смертельно ядовитое. Ты встать можешь?

Она протянула ему руку, и Мартин с трудом поднялся на ноги.

– Я не собирался стрелять в баллон, – начал он оправдываться, – это зомби споткнулся.

– «Рыжик»? – переспросила девушка. – Они всегда спотыкаются. У них рефлекс. Не знаю, как они это делают, но попасть им в голову из огнестрельного оружия невозможно.

Мартин удивлённо смотрел на неё. Он никогда не слышал о такой разновидности зомби.

– Ты хочешь сказать, что тот, с рыжими волосами, умеет уворачиваться от пуль?

– Это не волосы. Но да, если увидишь зомби с рыжей головой, не трать на него патроны. Сейчас покажу, что я использую.

Она пошла в другой конец ангара, и Мартин последовал за ней. Ноги всё ещё плохо слушались его, но в целом воздействие газа почти прекратилось. Внезапно он сообразил, что так и не представился.

– Меня зовут Мартин, – сказал он. – Спасибо, что вытащила меня.

– На здоровье! – ответила девушка. – Я Женя.

Она сняла маску и очки. Кожа у неё белая, глаза серо-голубые, а волосы светлые и не выются. Совсем не как у Лилит. Имя тоже оказалось необычным – непохоже, что она родом из южных штатов. Мартин попытался вспомнить, где ещё слышал похожий говор, и в памяти

всплыла их польская соседка по общежитию. Она училась в том колледже, где они с Лилит познакомились.

– Ты из Польши? – спросил он Женю.

Та посмотрела на него с удивлением.

– Ты знаешь, где находится Польша?

– Да, – ответил Мартин, – Польша находится в Восточной Европе. Это одно из старейших славянских государств с богатой историей. Первая в Европе конституция была принята в Польше.

Так говорила их соседка, когда рассказывала о своей родине. Сам Мартин никогда не был в Европе и не очень представлял себе, где там восток, а где запад, и чем славяне отличаются от германцев. Но рассказ соседки запомнил и мог воспроизвести почти слово в слово.

Женя уважительно посмотрела на него.

– Беру свои слова обратно, – сказала она. – Ты умный и образованный человек. Совсем чуть-чуть не угадал. Я не из Польши, я из России.

Мартин в ужасе отшатнулся от неё и чуть не упал. Он бы немедленно убежал из ангара, но снаружи его ждал неубиваемый «рыжик», да и газ, возможно, ещё не рассеялся. И бегать он тоже пока не мог.

2012 год. Торонто

Наташа отчётливо помнила своё первое задание, хотя прошло уже десять лет. Спустя годы она приехала в тот самый городок и прошлась по знакомой улице, но удивительным образом старые воспоминания не смазались, смешавшись с новыми впечатлениями. Наверно, прогулка в качестве туриста не давала той остроты ощущений, когда каждая деталь кажется необыкновенно важной и намертво врежется в память. Сказалось и то, что за десять лет ей ни разу больше не выпало задания ни в городке, ни в его окрестностях. Длинная улочка с булыжной мостовой прочно соединилась в памяти с историей первого успеха.

Локации заданий нельзя было предсказать заранее, но иногда один и тот же город становился постоянным центром притяжения. Для Наташи таким городом со временем стал Торонто. Независимо от заданий, она регулярно бывала там и успела неплохо изучить центр, в особенности район небоскрёбов на побережье озера.

Однако в этот раз девушка оказалась в абсолютно незнакомом дворе. Цветущие магнолии радовали глаз, но не могли скрыть глубокие трещины в асфальте и малоцензурные надписи на стенах. Высотные здания отгораживали закуток от оживлённой улицы. По другую сторону виднелись подсобные помещения – то ли склады, то ли ремонтные мастерские. Редкие автомобили быстро проносились мимо, а пешеходов здесь вовсе не было. В менее респектабельном городе такой уединённый пустырь выглядел бы подозрительно, но Торонто заслуженно пользовался славой одного из самых безопасных городов мира.

Однако беглый взгляд на стену в самом дальнем углу двора заставил Наташу пересмотреть её представления о знакомом городе. На фоне граффити, частично заслоняя громадную жёлтую надпись АСАВ, стояли трое мужчин. Один – в синем костюме – прижимался спиной к стене, а двое других явно пытались ему угрожать. Со спины нападавшие выглядели как близнецы – одинаковые коричневые спортивные костюмы и короткие стрижки, но у одного кроссовки были белые, а у другого – светло-серые. Внезапно хулиган в белой обуви взмахнул рукой, слегка задев мужчину у стены по лицу. По щеке потекла струйка крови.

– Я вызвала полицию, – громко сказала Наташа.

Её голос эхом отразился от стен двора. Бандиты замерли и, не поворачиваясь к ней лицом, попятились боком и быстро выскочили со двора. Наташе показалось, что их спугнуло не столько возможное появление полиции, сколько её личное присутствие. Похоже, они категорически не хотели показываться на глаза свидетелям.

«Повезло», – подумала Наташа, заходя во двор и приближаясь к мужчине у стены.

Никакой полиции она бы вызвать не смогла – на заданиях невозможно было использовать сотовые телефоны. Если бы преступники не убежали, она бы вряд ли успела что-нибудь предпринять. Впрочем, в заданиях всегда был элемент риска – можно было не угадать с выбором или не уложиться в отведённое время. Но обычно обходилось без уголовщины.

Мужчина держался за лоб, кровь заливала левую половину лица, и сначала Наташа не узнала его. Она достала платок и прижала к порезу над его бровью.

«Бритва? Или тонкий нож?» – подумала Наташа.

Она не смогла разглядеть оружие в руках у бандита, но судя по результату, лезвие оказалось отлично заточено. Надо накладывать швы.

– Вам нужно в больницу, – сказала она, – пойдёте, там можно поймать такси.

Она махнула рукой в сторону прохода между домами, ведущего на одну из центральных улиц. Теперь ей стало ясно, где они находятся – верхушки знакомых небоскрёбов, торчавшие слева, точно указывали направление. Но кто бы мог подумать, что прямо за Блуром расположены настолько сомнительные задворки. Торонто – город контрастов.

Мужчина недоумевающе посмотрел на неё, как будто до сих пор не осознал, что произошло.

– Мне нужно на Чарльз-стрит Вест, – заявил он. – Не могли бы вы, пожалуйста, показать мне дорогу? Вы ведь живёте здесь?

Наташа сразу узнала голос. Ещё бы, она слышала его вчера. Но мужчина смотрел на Наташу так, как будто видел её первый раз в жизни. В голове у неё словно вспыхнул сигнал тревоги и зажглась красная надпись:

«Правило третье: если ваш знакомый вас не узнал, то он не ваш знакомый. Он чужой человек. Вы его раньше не видели.»

На занятиях много раз отработывали самые разные варианты такой ситуации, и сейчас Наташа действовала на автомате. Хотя в реальной жизни ей ещё ни разу не приходилось применять третье правило.

– Меня зовут Наташа, я из Москвы, но здесь неплохо ориентируюсь, – ответила она. – Я провожу вас.

– Спасибо, – сказал он по-русски и улыбнулся ей совершенно так же, как вчера утром. – Я тоже из Москвы. Меня зовут Роман.

Казалось, его совершенно не смущает ни нападение бандитов, ни рассечённая бровь. Вчера в лесу он и то выглядел более растерянным.

Наташа быстро довела его до нужного дома. Им оказалась многоэтажная башня, кажется, один из жилых комплексов университета, но часть первого этажа арендовали маленькие магазины с общим входом. Слева под навесом располагалась дверь в жилую часть дома. Стены первого этажа выложены коричневым кирпичом, на стене большими буквами выведен точный адрес. По тому, как внимательно Роман прочёл надпись, Наташа заключила, что раньше ему здесь бывать не приходилось.

– Здесь живут ваши знакомые? – уточнила девушка. – Они смогут вам помочь с больницей?

– Да, – неуверенно ответил Роман. – Но их сейчас нет дома. А мне срочно нужно кое-что сделать в квартире. Они просили.

В первый раз с момента их сегодняшней встречи во дворе на лице его появилось смущённое выражение, как будто он сомневается в своих действиях. Приложив транспондер, Роман открыл входную дверь и нерешительно посмотрел на свою спутницу.

– Давайте, я помогу вам, – предложила Наташа.

Он благодарно улыбнулся и пропустил её вперёд. В лифте нажал на кнопку последнего – двадцатого – этажа, который на самом деле был девятнадцатым. Наташа осмотрела панель с кнопками и убедилась, что здесь, так же, как и во многих других высотных зданиях города, тринадцатый этаж не предусмотрен.

От лифтов ответвлялись два коридора: правый вёл вперёд, левый – назад. Роман повернул направо и довольно быстро остановился у квартиры с номером 2007.

Белая дверь в квартиру выглядела как межкомнатная, и замок в ней стоял соответствующий. Никакого сравнения не только со стальными дверями, вошедшими в моду в России в конце прошлого века, но даже с мощными деревянными дверями советской эпохи. Похоже, здесь воров совсем не опасались. В самом центре двери вырезана щель для писем – замена почтовому ящику.

Роман отпер замок маленьким ключом. В Москве таким можно было открыть разве что дверь офиса в хорошо охраняемом деловом центре. Прямо перед дверью, в прихожей на полу, лежала пара рекламных проспектов и бежевый конверт из обёрточной бумаги.

Наташа осторожно вошла первой, стараясь не наступить на почтовые отправления. Конверт лежал так, что адресов нельзя было разглядеть, и выглядел до боли знакомо. Размер, пропорции, фактура бумаги, цвет клея вызывали в памяти вереницу похожих конвертов, адре-

сованных лично ей. Но она не пыталась рассмотреть письмо повнимательней. На этот счёт имелось правило седьмое:

«Никогда не читайте чужие письма. По возможности даже не дотрагивайтесь до конвертов, если не уверены, что они адресованы именно вам».

Правда, в этом конверте могла оказаться самая обычная реклама, банковское извещение или счёт за электричество для жильцов, но по вспыхнувшему в глазах Романа интересу она поняла, что ему письмо тоже показалось особенным.

Он потянулся было за конвертом, но пошатнулся и прислонился к стене, тяжело дыша. Наташа заметила, что платок, которым он зажимал порез по дороге к дому, весь промок. Кровь продолжала течь.

– Надо обработать рану, – сказала она и потянула Романа в гостиную.

Он неохотно пошёл за ней, оглядываясь на конверт.

По площади квартира оказалась совсем небольшой. В престижном коммерческом кондоминиуме из неё сделали бы однокомнатную студию, не более того. Но здешний квартирный комплекс, по-видимому, задумывался как съёмное социальное жильё. Поэтому по планировке квартира получилась двухкомнатной или, как здесь выражались, с одной спальней. Из крошечной прихожей, где с трудом помещались два человека, открывалось три пути: направо – в совмещённый санузел, прямо – в спальню, и налево – в гостиную.

«Только камня на распутье не хватает», – подумала Наташа.

В гостиной у огромного, во всю стену, окна обнаружился диван, а в кухонном шкафчике – антисептик и пластырь. Усадив Романа на диван, девушка занялась порезом. Краем глаза она любовалась открывавшимся из окна видом. Наташе пока не доводилось осматривать с такой высоты район Блур. Она поднималась лишь на знаменитую телевизионную башню, построенную в пику Останкинской и превышавшую её буквально на пару метров. Но та башня стояла дальше к югу, гораздо ближе к озеру Онтарио, и виды с неё открывались другие.

Внезапно далеко внизу Наташа заметила знакомые фигуры. С такого ракурса лиц по-прежнему нельзя было разглядеть, только тёмные ёжики на макушках, но она опознала бандитов по спортивным костюмам и обуви. Белые и серые кроссовки прошли по тротуару, поднялись по ступенькам и исчезли в магазине аксессуаров, судя по названию, специализировавшемся на носках с оригинальными принтами.

«В больницу пока ехать не стоит», – подумала Наташа.

У неё возникло стойкое предчувствие, что бандиты скоро заявятся прямо в квартиру. Вряд ли они сначала случайно оказались в дворе с магнолиями, а теперь ненароком решили продефилировать прямо под окнами. Возможно, они знают, где можно найти Романа. Если сейчас выйти из дома, есть риск столкнуться с ними нос к носу.

Словно услышав её мысли, бандиты вышли из магазина и перешли через улицу. Скоро они оказались прямо под окном, и Наташа не могла больше их разглядеть. Но была практически уверена, что через пару минут увидит их перед дверью в квартиру.

Наташа быстро прошла в прихожую. Как и следовало ожидать, Роман не запер за собой дверь. Хотя дверь с её хлипким замком в любом случае не представляла серьёзного препятствия.

– Вы не могли бы захватить конверт, когда пойдёте обратно? – услышала она голос Романа.

«Только конверта мне не хватало для полного счастья», – мысленно фыркнула Наташа, прикидывая, сколько времени осталось до визита бандитов.

Повернув замок изнутри, она заперла дверь и наклонилась за конвертом. В голову не пришло ни единого благовидного предлога для отказа, поэтому пришлось частично нарушить седьмое правило. Осторожно подняв конверт двумя пальцами, словно горячий блин, она понесла его в гостиную. Не рассматривала адрес и вообще старалась не думать о том, что дер-

жит в руке. Но несмотря на меры предосторожности, она почувствовала, что это особенный конверт. Он пытался управлять Наташей, вмешиваясь в её собственное задание. На мгновение ей показалось, что реальность начинает меняться: окно словно сузилось, а стены гостиной, наоборот, расступились, напоминая её собственную гостиную, как если бы она распечатала конверт со своим личным заданием.

Ощущение перехода настолько сильно завладело ею, что она вздрогнула и выронила конверт. Наваждение мгновенно исчезло. В небольшой комнате по-прежнему красовалось окно от пола до потолка, у окна стоял диван той модели, которую местные называли футон, а на футоне сидел Роман и пристально смотрел на Наташу. Как будто он начал подозревать, что она, как и бандиты, оказалась во дворе неслучайно. Наташа поискала глазами конверт и увидела, что он ускользнул прямо под диван.

– Простите, я сейчас подниму, – проговорила она быстро, стараясь загладить свой промах. – Очень нервничаю из-за тех странных парней в спортивных костюмах. Мне сейчас показалось, что я увидела их в окно, внизу на улице. Как будто они продолжают преследовать вас. Может быть, вам стоит позвонить в полицию и рассказать о них?

– Я думаю, это были самые обычные хулиганы, – сказал Роман. – Проблемные подростки. Хотели напугать и отнять бумажник. Но их выходка зашла слишком далеко, они немного не рассчитали свои действия. Сами не ожидали такого эффекта. Сейчас наверняка прячутся в ужасе от содеянного.

Он говорил таким уверенным голосом, как будто объяснял запутавшемуся студенту, где именно тот допустил ошибку в своих вычислениях. Наташа поймала себя на мысли, что почти готова признать правоту Романа. А в магазин с носками пять минут назад зашли два ни в чём не замешанных юнца, очень похожих на хулиганов со двора за Блуром. Мало ли в Торонто подростков в коричневых спортивных костюмах?

В этот момент в дверь громко постучали. Наташа бесшумно выскользнула в прихожую и осторожно посмотрела в глазок. В коридоре стояли двое мужчин в коричневых куртках. На головы накинuty капюшоны так, что даже цвет глаз нельзя разобрать. Нижнюю часть лица закрывают самодельные маски, креативно вырезанные из носков. Одну маску украшал весёлый принт из красных перцев, а другую – розовые сердечки. Ноги и обувь разглядеть не получилось, визитёры стояли слишком близко к двери, но Наташа не сомневалась, что один носит белые кроссовки, а другой – серые.

В голове её закрутилась детская песенка: «Жили у бабуси два весёлых гуся...» Одновременно она просчитывала варианты.

Можно позвонить в полицию – на стене в прихожей висел стационарный телефон. Но тогда бандиты будут точно знать, что в квартире кто-то есть.

Или можно сидеть тихо в надежде, что они уйдут искать жертву в другом месте. Но стук становился всё громче, похоже, бандиты уверены, что птичка в клетке, и скоро начнут ломать дверь.

Ещё можно сделать вид, что звонишь в полицию не в первый раз: «Когда же вы наконец приедете?! Они ломают дверь, слышите?! А, офицеры уже вошли в подъезд, хорошо! Пожалуйста, поторопитесь, мне очень страшно! Да-да, двадцатый этаж, направо от лифта, вы сразу их увидите в коридоре. На них надеты...»

Но Наташа не верила, что фокус с полицией прокатит второй раз. Даже первый раз бандиты скрылись лишь потому, что у них не было масок. Почему они так боятся, что Наташа увидит их лица? Неужели она их знает? А ведь Роман видел их без масок. Но это обстоятельство бандитов не смущает. Почему?

Хотя Роман уже изложил ей свою версию инцидента на пустыре, Наташе казалось, что он может знать больше, чем говорит. Мужчины в масках никак не походили на испуганных

подростков, чья злая шутка зашла слишком далеко. Чего они на самом деле добиваются от Романа?

Она не хотела задавать неудобные вопросы. Не то чтобы на этот счёт было правило, но Наташа привыкла тщательно выполнять свои задания и по возможности не совать нос в чужие. Однако сейчас придётся поступиться принципами. Направляясь обратно в гостиную, она услышала, как Роман встаёт с дивана. Судя по звуку, он сделал пару шагов в сторону прихожей, и теперь стоял в центре комнаты.

Наташа заглянула в гостиную, но там никого не было. Письма на полу тоже не оказалось. У дивана валялся окровавленный платок, и это было единственным свидетельством того, что Роман действительно находился в квартире ещё минуту назад, а не был плодом её воображения.

Стук в дверь смолк так же внезапно, как начался. Наташа снова заглянула в глазок и успела увидеть, как коричневые капюшоны удаляются в сторону лифта. Она выждала несколько минут. За это время успела подобрать платок и тщательно проверить, нет ли других следов пребывания в квартире посторонних. Обнаружила на обеденном столе ключ – им Роман отпер дверь. Выйдя из квартиры, она заперла входную дверь, а ключ бросила в щель для писем. Хозяева потом подберут. Надо полагать, у них есть своя копия ключа, и они смогут попасть в квартиру.

Наташа вышла из подъезда и двинулась в сторону двора с магнолиями. Первое правило нужно выполнять неукоснительно, а оно гласило:

«Всегда возвращайтесь в ту точку, откуда начали выполнять задание».

2084 год. Союз против «рыжиков»

Мартин рефлекторно вжался в стену и посмотрел на Женю загнанным взглядом, как будто она превратилась в зомби прямо у него на глазах. Причём в такого зомби, что Фт'х и «рыжик» на его фоне показались бы слепыми новорождёнными котятками. В памяти сразу всплыли рассказы бабушки о страшной пропаганде. О заразе, подточившей демократию.

Сначала редкие атаки «кремлёвских ботов», как их называла бабушка, выглядели не опасней пчелиных укусов, но яд оказался стойким. Он проник в древо демократии и разъел его изнутри. Когда опасность осознали и перекрыли доступ к «ботофермам» – так в старину называли рассадники вредной пропаганды – было уже поздно. Люди разучились верить, перестали отделять истину от лжи и даже начали сомневаться в пользе демократических институтов.

А теперь перед ним стояло живое воплощение мерзкого обмана. Бот в образе человека. Мартин с трудом удержался – ему хотелось заткнуть уши. С раннего детства его учили избегать вражеской пропаганды – не слушать, не спорить, не соглашаться. Нельзя было переубедить ботов. Они использовали каждый факт и каждую историю в своих целях, переворачивали с ног на голову, перекрашивали в белый или чёрный цвет в зависимости от собственных интересов. Преследовали лишь свою выгоду и не думали об общем благе. Против них помогало только молчание. Стоит вступить в диалог, и боты сразу промывают тебе мозги.

Женя посмотрела на Мартина с понимающей улыбкой. Подняла с ящика арбалет и зарядила его необычной деревянной стрелой. Наконечника у стрелы не было. Короткая и толстая, она выглядела как обычная ветка дерева. С одного конца остро заточена, но в остальном почти не обработана, даже кора осталась. Больше всего стрела напоминала громадный карандаш.

– Пойдём к «рыжику», – сказала Женя, – можешь меня не слушать, просто смотри.

Она открыла дальнюю дверь ангара и осторожно обошла баллоны с газом. «Рыжик» всё ещё бился о противоположную дверь.

Мартин постоял на месте пару секунд, а затем двинулся за Женей. Всё-таки интересно выяснить, как же она уложит зомби, который умеет уворачиваться от пуль. Он не будет вступать с Женей в дискуссии, просто понаблюдает за её действиями.

Девушка тихо приблизилась к зомби и остановилась футах в десяти от него. Подняла арбалет, прицелилась и всадила карандаш-переросток прямо между лопаток «рыжика». Мартин не увидел в её действиях ни малейшего смысла.

У зомби не имелось жизненно важных органов. Чтобы перманентно обезвредить их, нужно отделить голову от туловища. Тогда регенерация прекратится. Втыкать в тело колющие предметы – пустая затея. Зомби избавятся от них за считанные минуты точно так же, как человеческий организм со временем избавляется от небольшой занозы. Просто иммунная система зомби многократно превосходила человеческую по своим возможностям и скорости реакции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.